

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый город» признаны
лучшими книгами 2000 года

Нина Орлова

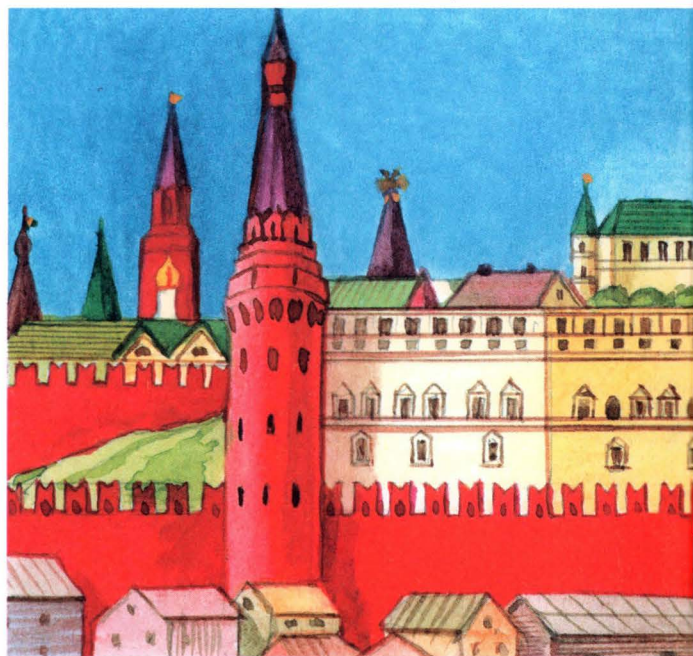
САМОЗВАНЦЫ

Художник Евгений Орлов

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2002

Первый русский патриарх Иов (? — 1607)

АЛЕКСАНДР МИТРИЙ I

Чудовский беглец

В Москве, в Чудовом монастыре, жил старый монах Замятня Отрепьев. После смерти двух своих сыновей, которые были совсем молодыми, он ушел в монастырь. У одного из них, стрелецкого сотника Богдана, остались жена и сын Юрий. Юшка, как его называли, был очень смышлен, но настырен и непослушен. Мать сама учила его грамоте и удивлялась, как быстро он все схватывает. Но часто от злых проделок и дерзости сына у нее опускались руки.

В тринадцать лет Юрия определили служить в дом бояр Романовых. Глядя на жизнь богатых и знатных вельмож, он испытывал досаду на свою бедность.

Не желая больше быть слугою, он ушел в Суздаль, в Ефимьевский монастырь, где постригся в монахи с именем Григорий.

За три года переменял он несколько монастырей и пришел наконец в келью своего деда. Старик был поражен. Перед ним был не своенравный шалун-мальчишка, а скромный, усердный юноша-монах. Красивым четким почерком старательно переписывал он священные тексты, умел хорошо сочинять каноны и духовные песни.

На прилежного инока обратил внимание патриарх Иов. Он посвятил его в дьяконы и взял к себе для книжного письма. Часто брал он Григория в царский дворец. Какое величие, какую пышность видел при дворе инок! Зависть всколыхнулась в душе.

До всего любопытный, внимательно наблюдал Григорий за всем, что происходило во дворце. Любил слушать рассказы о старине. О прежних государях, особенно об Иоанне Грозном.

В годы скитаний Отрепьев жил некоторое время в Угличе. Там впервые услышал он историю о смерти царевича Дмитрия и о том, что убийцу подослал Годунов. Вглядываясь в Бориса, он видел теперь в нем не царя, а убийцу.

С вечера до самой заутрени сидел инок перед лампадой, читая летописи. Он погружался в события прошлого и видел: князь убивает князя, и брат убивает брата ради власти. То были язычники. Но Борис... Убийца восседает на троне! Где же справедливость?

«Я отомщу Борису именем Дмитрия и сам займу трон!» Испугавшись этой безумной мысли, инок стал просить прощения у Господа. Но тут же снова с восторгом повторял: «Да будет так!»

Теперь Григорий ни о чем другом не мог думать. Ему казалось, что судьба зовет его. Когда страх и отчаяние закрадывались в душу, Григорий говорил себе: «Ведь я хочу отнять престол не у настоящего государя. Я хочу наказать убийцу».

...Тяжелое туманное утро застало царя Бориса сидящим на своем государственном месте. Горькие мысли терзали царя: «Не я ли день изо дня трудился, чтобы хорошо было в царстве моем? И что вижу? Козни врагов, лицемерие, заговоры...»

Справа от царя, в резном кресле, сидел митрополит московский Иона. Скорбно глядя на Годунова из-под черного клобука, он говорил: «Недостойный инок Григорий — сосуд дьявольский — треплет всюду, что будет он вместо тебя государем на Москве».

Борис вскочил с царского места, закричал, не сдерживая гнев:

— Все ученость ваша! В Соловки его! За ересь! На вечное поселение!

А в это время в Чудовом монастыре хватились: Григорий бежал. Увидев пустую келью, старик Замятня упал на колени и заплакал, горько жалуясь Богу. Он понял, что потерял внука навсегда...

Февральские бураны зимою 1602 года сбивали с ног обессиленных бродяг, потерявших дорогу путников, укрывали их белым саваном. Под вой вьюги быстрым, твердым шагом шел по одной из зимних дорог чудовский беглец.

Григорий пробирался на Запад, через Литву, в Польшу.

Г. Мясоедов. «Бегство Гришки Отрепьева из корчмы на литовской границе»

*Неизвестный художник
«Портрет царя
Бориса Годунова»*

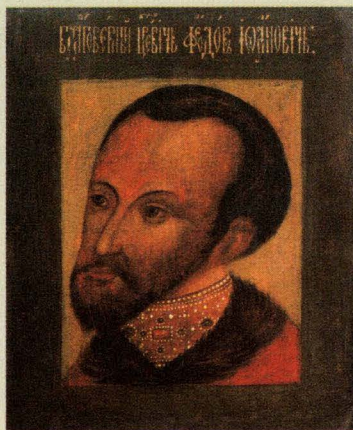
После смерти Иоанна Грозного из пятерых детей в живых остались двое: Федор, двадцати семи лет, и пятимесячный Дмитрий.

Первому Иоанн завещал престол, второму — знаменитый город Углич. Царевич Дмитрий жил там с матерью — царицей Марией Федоровной.

Федор Иоаннович, возведенный на престол, был слабого здоровья, кроткий и набожный. Он не стремился к власти. Но при дворе Федора был человек, имевший все качества государя, — брат царицы Ирины Борис Годунов. Он с детства воспитывался при дворе Иоанна Грозного как царский родственник.

Федор отдал в руки Бориса бразды правления. Царь и народ были довольны мудрым правлением Годунова. Но по-

Н. Рерих. «Воскресенский монастырь в Угличе»

*Неизвестный художник
«Портрет царя
Федора Иоанновича»*

степенно Борисом овладело желание стать настоящим, коронованным царем и властвовать безраздельно. Федор уже стоял на пороге могилы, но был еще один наследник — царевич Дмитрий. До сих пор нет доказательств, но существует версия, что Борис подговорил дьяка Битяговского погубить маленького царевича. Он послал Битяговского в Углич, где назначил управляющим хозяйством царицы Марии.

15 мая 1591 года замысел Бориса исполнился: царевич

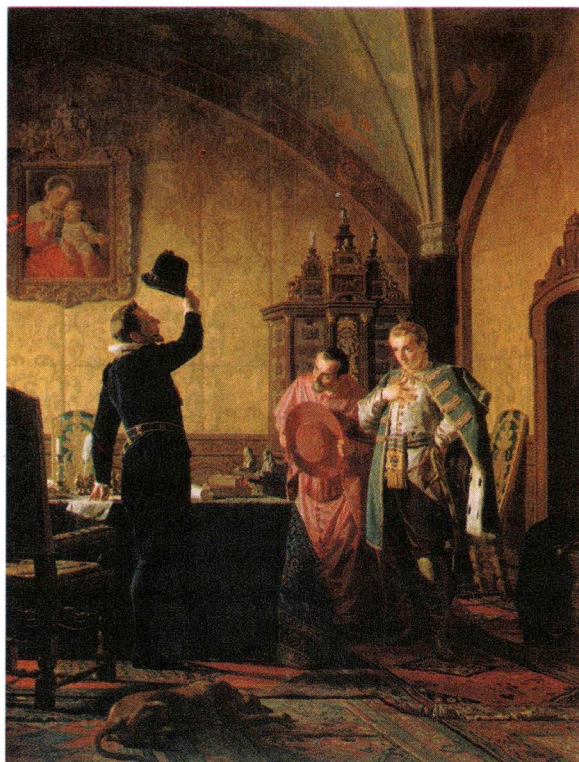
погиб. Горожане, подстрекаемые царицей, убили государевых слуг, заподозренных в убийстве царевича.

Прошло шесть лет. Все привыкли к мысли, что после царя Федора наследником трона будет Годунов. И, когда в 1598 году Федор скончался, Борис стал государем.

Борис делал все, чтобы изгладить из памяти народа кончину Дмитрия. И это ему удалось.

Но в 1602—1603 годах в России наступил страшный голод. Дожди и ранние морозы 1601 года погубили урожай. В 1602 году посевы были уничтожены заморозками и нечем было засеять поля. Обозленный народ во всем винил Бориса, говоря, что небо за грехи карает его и Россию. Пошли слухи, что царевич Дмитрий не был зарезан в Угличе: верные люди спрятали его и отправили в Польшу. Теперь он собирается с огромным войском идти на Москву, чтобы занять отцовский трон.

Н. Неврев. «Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма»

Самозванец в Польше

Дом воеводы Юрия Мнишека был самым красивым и богатым в польском городе Сандомире. Сейчас в нем царил волнение. Родственник Мнишека, Адам Вишневецкий, должен был с минуты на минуту прибыть со своим таинственным слугой, который оказался... московским царевичем Дмитрием!

Больше всех волновалась юная дочь Мнишека — Марина. В нарядном платье с множеством кружев и оборок, сияя огромными глазами, ходила она по гостиной, прислушиваясь: не едут ли?

Наконец слуга доложил о прибытии высокого гостя. Дмитрий ступил на порог большой, богато убранной залы. Мнишек, уже видевший царевича у пана Вишневецкого, по-отцовски запросто обнял его и подвел к Марине. Марина, чуть порозовев, гордо вскинула голову. Дмитрий коснулся губами ее руки.

— Как вы прелестны! — искренне, с глубоким чувством проговорил он.

Марина улыбнулась. Гордая красавица к тому времени отвергла уже трех женихов. Когда отец рассказал ей о московском царевиче, сердце ее затрепетало.

Самозванец не блистал красотой: невысокий, рыжеватый, с длинным лицом и белесыми глазами. Но осанка была благородной, манеры изысканными. Ум и обаяние заставляли забыть о некрасивом лице.

Прошел месяц, и Марина услышала то, на что втайне надеялась. Московский царевич предложил Марине свою руку.

— Можем ли мы сделать это сейчас, когда вы находитесь в таком положении? — изумленно воскликнула она.

— О нет! Мы повенчаемся только после того, как я завоюю трон. Вы достойны быть царицей! — отвечал ей Дмитрий. — Вы и есть царица!

— Мой отец поможет вам, — сказала Марина. Взгляд ее стал твердым и решительным.

— Мне нужно войско, снаряжение, деньги! Я не останусь в долгу! — горячо проговорил Самозванец.

Поход Самозванца на Москву

Ф. Снедецкий. «Дмитрий Самозванец»

Вишневецкий и Мнишек доложили о Дмитрии польскому королю Сигизмунду III. Он обещал дать войско, оружие и деньги, надеясь, что Самозванец, заняв трон, обратит в католичество и россиян. Кроме того, Самозванец подписал соглашение, по которому обещался после воцарения выдать Мнишеку миллион золотых, драгоценности из царской казны и отдать Марине Новгородскую и Псковскую области. Другой грамотой обещал Мнишеку Смоленск и Северское княжество, а также земли в дар королю Сигизмунду.

13 октября 1604 года Лжедмитрий вступил в пределы Московского государства. Первым сдался Лжедмитрию городок Моравск, через несколько дней — Чернигов. Царь Борис отправил из Москвы войско во главе с Василием Шуйским. Первый бой у города Севска был неудачным для Самозванца, он бежал в Путивль.

Годунов послал войску 80000 рублей, а воеводам — золотые медали. Но радость царя была недолгой. Каждый день доносили ему о каком-либо городе, который перешел на сторону Самозванца. Борис упал духом. 13 апреля 1605 года после приема ино-

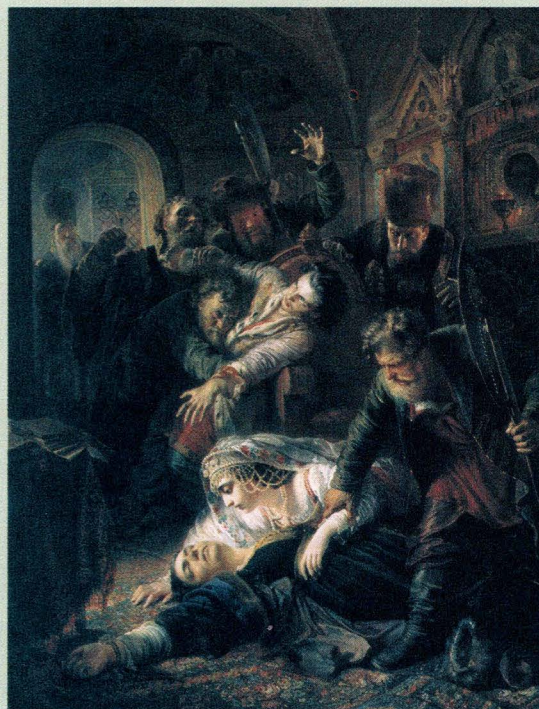
земных послов ему стало плохо. Он благословил сына Федора на царство и через два часа скончался.

Федор понимал, что для ведения войны с Самозванцем ему нужен верный человек. Выбор пал на Петра Басманова, воеводу новгородсеверского, который дольше других защищал от Лжедмитрия свою крепость.

17 апреля 1605 года Басманов прибыл к войску, стоявшему у Кром, и увидел измученных воинов. Он решился на измену. 7 мая он выстроил свое войско и сказал: царевич Дмитрий — сын Грозного, и нельзя препятствовать наследнику занять престол. Война была прекращена. Лжедмитрий с двумя тысячами надежных людей направился к Москве.

Взятые под стражу царь Федор, его мать и сестра Ксения были препровождены в дом Бориса, где находились до 10 июня. Затем, по приказу Лжедмитрия, Федора и его мать убили, а Ксению постригли в монахини.

М. Маковский. «Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова»

Самозванец на троне

20 июня 1605 года Самозванец вступил в Москву. Лжедмитрий ехал на белом коне, в великолепном наряде. Золотое ожерелье с драгоценными камнями сияло на груди. Его сопровождали бояре и князья, отряд в несколько тысяч поляков и казаков следовал за ним.

Когда Самозванец через Москворецкие ворота выехал на площадь, поднялся вихрь. Всадники едва держались в седлах. Шествие остановилось. Пораженный народ в страхе крестился и кричал: «Господи, спаси!»

Вихрь утих так же внезапно, как и начался. Испуганные люди шептались: «Это худое предзнаменование и для России, и для Дмитрия!»

Войдя в храм Архангела Михаила, Лжедмитрий упал на колени перед гробницей Иоанна Грозного: «Отец, был я сиротой и изгнанником, но твоими светлыми молитвами я цел и царствую!» Самозванца повели во дворец и посадили на царский трон.

Затем бояре вышли к народу на Красную площадь. Богдан Бельский встал на Лобное место, снял с груди образ святого Николая и поцеловал его. «Клянусь, что новый государь — истинный сын Иоаннов! — воскликнул он. — Служите ему верно!»

Но самое главное случилось позже. Скопин-Шуйский привез в Москву Марию Нагую, и в селе Тайнинском состоялась ее встреча с Самозванцем. Выйдя из шатра, Мария выказывала к Лжедмитрию материнскую нежность, заставляя народ плакать от умиления.

Свое правление новый царь, 30 июля венчавшийся на царство, начал с милостей. Он удвоил жалованье чиновникам, отменил многие пошлыны. В среду и субботу царь выходил на Красное крыльцо, выслушивал жалобы людей, принимал челобитные.

В Думе бояре подолгу обсуждали всякий вопрос, споря и не соглашаясь друг с другом.

А. Рябушкин. «Едут (Народ московский во время въезда иностранного посольства в Москву в XVII веке)»

Поляки

Лжедмитрий внимательно слушал и тут же принимал решения.

Он говорил складно, часто ссылаясь на историю и на примеры того, что сам видел в других землях.

— Кичитесь вы своим родом, а понятия обо всем дремучего, — напрямик говорил он боярам. — Побывайте в чужих землях, посмотрите, как люди живут, может, и сами людьми станете.

— Да чем же, государь, мы не угодны тебе? — льстиво, но с тайной злобой спрашивал его боярин Шуйский.

— Сидите как пугала в огороде в сенате моем. Впрочем, ты да Басманов не таковы.

Басманов был теперь первым человеком. Бояре, втайне ненавидя царя, пока еще ничем себя не выдавали. Но уже пошел по Москве шепоток: будто один инок из Чудова монастыря узнал в Лжедмитрии беглого монаха Гришку Отрепьева.

В сентябре Лжедмитрий отправил послов в Польшу — за невестой. Но Марина и ее отец не спешили выезжать.

— Пусть выполнит обещание, которое он давал королю, мне и моей дочери, — надменно ответил Мнишек.

Самозванец прислал Мнишеку двести тысяч золотых и богатые дары невесте. Лишь в марте Марина с отцом и пышной свитой из двух тысяч человек выеха-

С. Иванов. «Приезд иностранцев»

ла из Польши. Марину везли в колеснице, запряженной двенадцатью белыми конями. Возницы были наряжены в парчовые одежды. 2 мая 1606 года царская невеста прибыла в Москву.

Утром 8 мая патриарх обвенчал царя с Мариной по православному обряду. Марина была в русском наряде, усыпанном жемчугами, алмазами, яхонтами. На голове сиял венец. Жених настоял, чтобы в тот же день совершилось и венчание ее на царство.

— Ты будешь венчаться на царство! Такой чести не удостоивалась еще ни одна русская царица! — говорил он.

На следующее утро барабаны и трубы возвестили о свадебном пире. Иноземцы, которых на пиру было очень много, поражались роскоши. Море золотой и серебряной посуды, небывалые яства делали столы сказочными.

Но невесело глядели россияне: Самозванец шутил и беседовал с поляками и даже поднял тост за успех польского оружия.

Пока в столице пировали, в доме Василия Шуйского каждую ночь собирались на тайный совет обозленные бояре.

— Пора нам избавиться от прихвостня польского, — говорил Шуйский. — Дождемся, что он всех нас изведет, а поляков в Думу посадит.

Смерть Самозванца

В ночь с 16 на 17 мая 1606 года вдруг ударили по всей Москве в колокола. Поплыл тревожный звон.

Проснулся взбудораженный люд и устремился на Красную площадь. Близ Лобного места уже гарцевали на конях знатные бояре, хорошо вооруженные, в боевых доспехах. Вокруг — плотные ряды ратников в шлемах и латах.

Вдруг конный казак в добротном черном кафтане на скаку врезался в толпу и заорал что есть мочи:

— Православные, да разве же это истинный царь Дмитрий? Не царь он, а расстрига! Вор последний!

Казак спрыгнул с коня, бросил шапку на землю и стал неистово топтать ее.

— Вот что мы с ним сделаем! Я за него кровь проливал!

Под Новгород-Северским, когда били мы князя Мстиславского, я знамя взял.

Я князя саблей бил, всего окровавил. Господи, прости! — казак перекрестился. — Сколько людей русских погибло. А за что? Чтоб нас поляки топтали?

— Своих людей сторонится, все с поляками да немцами водится, — подхватил зычный голос из толпы, — земли наши дарит. Всю казну разбазарил...

— В храм-то рысью входит, — уже тише, как бы между собой, разговаривали в толпе, — и к святым иконам не прикладывается.

— В царицы польку некрещеную взял, венец Мономахов на нее возложил!

— На игрищах в масках скоморошских непристойных с поляками пляшет...

— Поста не держит. Гнусными яствами питается... Конец благочестию! Конец вере русской!

— Говорят, костелы римские на месте наших храмов поставят, а иконы сожгут! Еретик он и крови не царской!

— И вправду, не Гришка ли Отрепьев, беглый холоп, глумится над нами? — громко вздохнул кто-то.

Отворились Фроловские (ныне Спасские) ворота, и в Кремль на всем скаку

*К. Вениг. «Последние минуты
Дмитрия Самозванца»*

влетел всадник, князь Василий Шуйский, а за ним отряд заговорщиков — человек двести. Вооружены они были чем бог послал: бердышами, топорами, рогатинами. Князь в одной руке высоко держал меч, а в другой — крест.

— Во имя Божие идите на злого еретика! — он указал на царский дворец.

Ревущая толпа кинулась к дворцу.

Лжедмитрий и его друзья-поляки после позднего пира спали. Проснувшись от набата и неистовых криков, царь оделся и выглянул в окно. Он увидел мятежную толпу, лес копий и блиставших в лучах восходящего солнца мечей.

Позвав Басманова, Лжедмитрий велел узнать, чего хотят мятежники. Басманов вышел на дворцовое крыльцо. Увидев вооруженную толпу, понял: это бунт.

— Беда, государь! Народ требует головы твоей! Спасайся!

Один из дворян успел вслед за Басмановым ворваться в покои. Без оружия, но в страшной ярости подступил он к Самозванцу:

— Ну, безвременный царь! Проспался? Отчего не выходишь к народу и не даешь отчета в беззаконии своем?

Басманов схватил царский меч и убил дерзкого смельчака.

Тут Лжедмитрий выхватил бердыш у одного из телохранителей, растворил двери и, потрясая оружием, закричал:

— Я вам не Годунов!

В ответ раздались выстрелы, и телохранители поспешно захлопнули двери. Басманов метался по царским покоям, не зная, что предпринять. Пятьдесят немцев-телохранителей да человек тридцать польских гостей, слуг и музыкантов — вот и вся сила, которая была сейчас на стороне царя. А толпа ломилась в дверь. Басманов еще раз вышел на крыльцо. Он убеждал народ одуматься, но его не слушали. Михайло Татищев, подбежав к Басманову, крикнул:

— Злодей! Иди в ад вместе со своим царем! — И, выхватив длинный нож, вонзил ему прямо в сердце. Бояре сбросили мертвое тело Басманова с крыльца.

Пролитая кровь еще больше распалила мятежников. В ярости они рубили топорами двери и наконец вломились во дворец.

Телохранители заперлись внутри царских покоев и встали за дверью, но поставшие снесли ее. Обезоружив телохранителей, они кинулись в царские палаты, круша все на своем пути, — искали Самозванца.

Видя, как страшно народ расправился с Басмановым, и слыша рев озверевшей толпы во дворце, царь пришел в ужас. Бросив меч, он в смятении побежал. Миновав царицыны покои и достигнув каменного дворца, Лжедмитрий выскочил в окно и упал на житный двор. Он повредил ногу, разбил голову и грудь.

Стрельцы, стоявшие на страже у житного двора, услышали стоны, подбежали и узнали царя. Он лежал с бледным, искаженным от боли лицом в луже кро-

ви. Лжедмитрий умолял стрельцов спрятать его, обещал чины и богатство. Но толпа уже заметила Самозванца и окружила его с криком: «Смерть расстриге!»

Бояре приказали нести Лжедмитрия во дворец.

Самозванца посадили на трон, содрали с него царскую одежду и одели в платье пирожника. Его кололи мечами, щипали, колотили, насмехались над ним.

— Поглядите на государя всея Руси! — говорил один из бояр.

— У меня такой на конюшне есть, — отвечал другой.

— Кто ты, кто твой отец и откуда ты родом? — спросил третий, ударив несчастного по лицу.

— Несите меня на Лобное место. Там объявлю истину всем, — просил Лжедмитрий.

Тут выскочил боярский сын Григорий Валуев.

— Чего толковать с еретиком? — вскричал он. — Вот я благословлю этого польского свистуна! — Быстро прицелившись, он выстрелил самозванцу прямо в сердце.

Бояре, выйдя на крыльцо, объявили, что Лжедмитрий повинился в самозванстве. Тут все завопили: «Бей его! Руби его!» Потом сбросили тело с крыльца на тело Басманова. «Ты любил его живого — не расставайся и с мертвым!» — в ярости кричали из толпы.

Бесконечный людской поток неся вдоль стен к храму Василия Блаженного. Витые разноцветные маковки его блестели на солнце. Гудел «Иван Великий». Лишь у при-

горка — Лобного места — народ стоял неподвижно, молча, без шапок.

На дубовой лавке лежало тело бывшего государя со скоморошьей маской на лице.

— Царь лежит, — сказал кто-то из толпы дрогнувшим голосом.

— Не царь, а расстрига, вор... — отвечал другой.

— Нет, это не он лежит. Он тощий, а этот поплотнее...

— Господи, помилуй! А он где же?

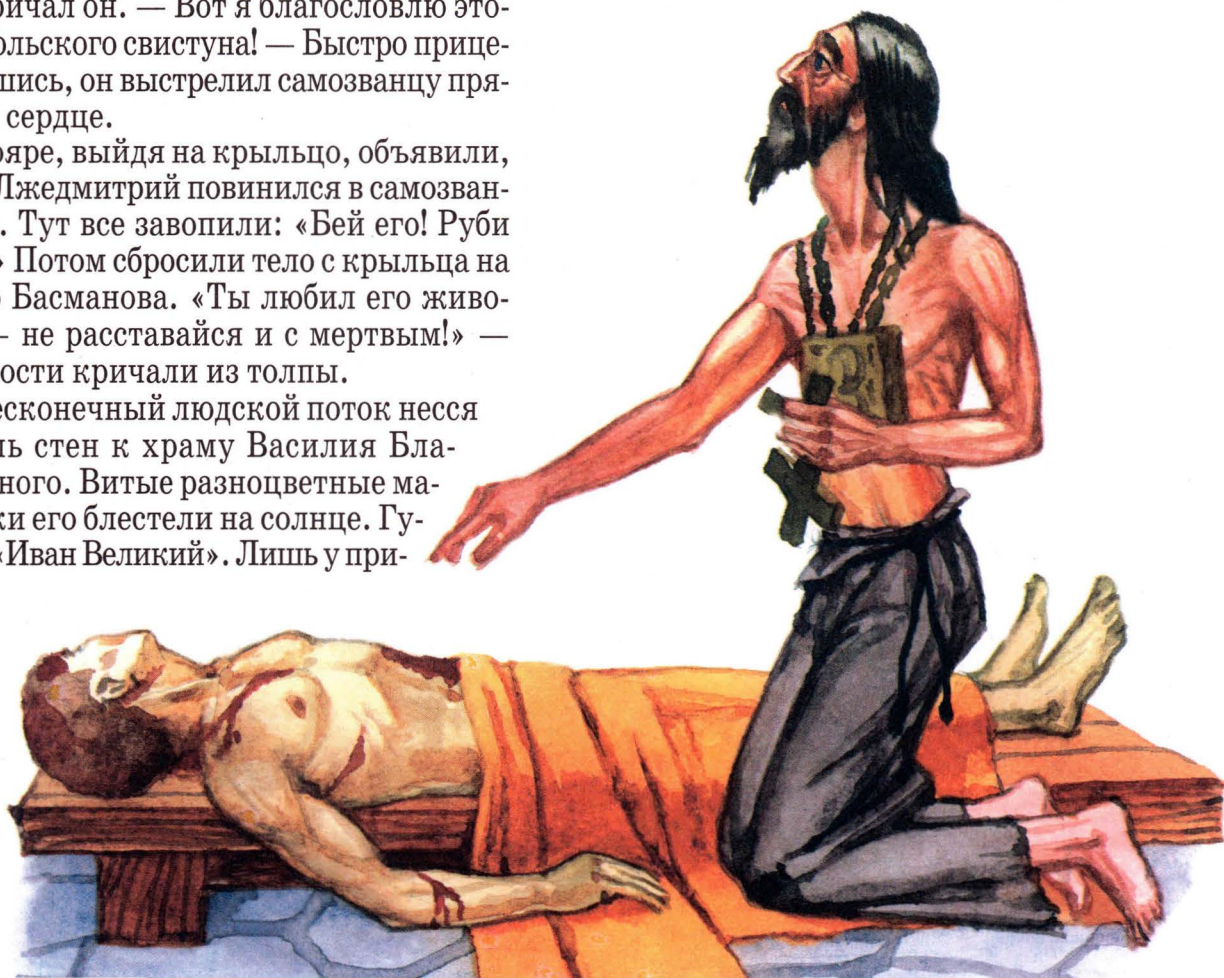
— Ушел...

Юродивый в рубище, с цепями и чугунным крестом на шее топтался на месте, плакал и жалобно гнусавил:

— В Угличе-то кого зарезали, а? Знаете? Того же, кого и ноне убили. Сам, сам видал. Вот она, царская кровушка.

Он протягивал тряпочку, всю в крови.

— А когда еще, в третий раз, резать станете, опять меня позовите...

АЛЕКСАНДРЪТЪТ

В южной России июльское солнце беспощадно. Истомленные жаром деревья не шевелятся. В один из таких дней на главной площади Стародуба показались два всадника. Коня их были разгорячены, а сами они покрыты дорожной пылью.

— И кто же вы будете? — с почти-
тельным любопытством спросил путе-
ников один из торговцев.

— Я Александр Рукин, а это, — указал он на своего спутника, белесого, с некрасивым угрюмым лицом, — князь Андрей.

Рукин объявил:

— Царь Дмитрий стоит под Стародубом с войском. Он послал нас вперед узнать, любите ли

— Где он? Где отец наш? Идем к нему! — слышались голоса.

— Он здесь! — воскликнул Рукин и вдруг осекся, словно испугался собственных слов.

— Где, где? Отвечай! — завопили все, подступая к нему.

Тогда Рукин указал на своего спутника. Тот медленно и важно сошел с коня.

— Слава Богу! Нашлось сокровище
душ наших! — люди падали на колени.

Зазвонили колокола, извещая народ о великой радости: царь Дмитрий Иоаннович жив и находится в городе.

Г. Горелов. «Восстание Болотникова»

После убийства Самозванца на трон вступил князь Василий Шуйский. Расправа над Лжедмитрием и избрание нового царя случились одно за другим, так что во многих городах смерти Самозванца не поверили. Уже через несколько дней пронесся слух, что Дмитрий опять спасся. Против Шуйского поднялись города северной Украины. Рать изменников увеличивалась с каждым днем. Войском командовал беглый холоп Иван Болотников. Царь выслал против него полки к Ельцу и Кромам во главе с воеводами Воротыньским и Трубецким.

Болотников, встретив царское войско под Кромами, разгромил его. Он шел вперед, завоевывая все новые города: Орел, Мценск, Каширу. В феврале 1607 года Болотников вошел в Калугу. Царский воевода князь Мстиславский с большим войском окружил город. Но простояв четыре месяца под Калугой, Мстиславский города так и не взял.

Шайки Болотникова подошли почти к самой Москве. В это время на помощь москвичам подоспели отряды из Смоленска, еще

из нескольких северных городов. Болотников отступил в Тулу. Царские войска во главе с самим Василием Шуйским осадили Тулу. Мятежники долго упорствовали. Тогда осаждавшие запрудили реку Упу. Страх перед потопом заставил бунтарей сдаться. Сдался и сам Иван Болотников, которого отправили в Каргополь, где тайно утопили.

Лжедмитрий II, узнав о разгроме Болотникова, отошел с войском в Трубчевск. Отдохнув и пополнив войско новыми отрядами, он двинулся к Брянску, но не смог взять его и отступил к Орлу. Там Самозванец просидел всю зиму, а в это время мятежники именем Дмитрия брали все новые города.

В апреле Лжедмитрий II выступил из Орла и пошел в направлении Москвы. Взять Москву ему не удалось, но и царь Василий не смог разбить войска Самозванца. В это время к Лжедмитрию II пришло 7-тысячное войско поляков и казаков из Литвы, под предводительством Яна Сапег. Ополчение нового Самозванца, которого попросту называли Вором, росло.

Лжедмитрий II

Тушинский вор

1 июня 1607 года Лжедмитрий с войсками встал в двенадцати верстах от Москвы, в селе Тушино, на зеленых лугах между Москвой-рекой и речкой Сходней. Первым делом Самозванец распорядился рыть глубокие рвы. Укрепившись, приказал возить строительный лес.

Гетман Рожинский был недоволен решением остановиться в Тушине.

— Возьмем Москву приступом, — упрашивал он, — сожжем ее, но захватим. Надо спешить, чтобы не дать москвитянам подготовиться.

— Если сожжете мою столицу, где же мне царствовать? — важно вопрошал царик (так называли его в Тушине). — Разорите казну, чем буду награждать?

Работы в Тушинском лагере шли споро. И вскоре он стал похож на город с домами, купеческими лавочками и бедняцкими хижинами.

Отряды Лжедмитрия II каждый день выезжали на добычу. Они отнимали у жителей съестные припасы. Недавно выстроенные кладовые ломились, деревянные лари были доверху наполнены мукой. Мед, солод, масло стояли

в бочках. То и дело пригоняли скот, украденный с сельских пастбищ. Наверное, в это время ограбленные жители подмосковных сел и прозвали меж собой Самозванца «Тушинским вором».

С утра до вечера веселились: это царик задавал роскошные пиры. Окруженный свитой — поляками и русскими боярами-изменниками — он уже чувствовал себя царем Московским.

Прослышав о сытной да веселой жизни, народ валил сюда толпами. Касимовский царь Ураз-Магомет и крещеный татарин князь Петр Урусов привели к Самозванцу свои отряды.

Воеводы царские, князь Скопин-Шуйский, боярин Романов и другие, со своими отрядами встали между Тушином и Москвой, на Ходынке. Сам государь, двор и его отборные полки были на Пресне. Укрепления внутри Москвы — от Кремля до слобод — охраняли особые засадные отряды. Но царь не думал наступать. Он занимался переговорами. Польские послы требовали освободить всех знатных ляхов, а также воеводу сандомирского Мнишека и его дочь Марину. Узнав, что Мнишек и Марина выезжают в Польшу, Лжедмитрий приказал отбить их у охраны и доставить в Тушино.

Марина и Мнишек выезжали из столицы под охраной князя Долгорукова. Проехали Углич, Тверь, Белую. Вдруг за Смоленском на них напали люди Лжедмитрия. Ляхи Александр Зборовский и Станислав Стадницкий в несколько минут разогнали отряд Долгорукова.

Поклонившись Марине, Стадницкий, хитро улыбаясь, сказал:

— Супруг ваш Дмитрий с нетерпением ждет вас к себе.

Марина, не колеблясь, села в карету, обитую бархатом.

Узнав, что она уже близко, Самозванец велел палить из всех пушек. Марина остановилась в версте от Тушина. Здесь поставили для нее шатер под сенью чуть трону-

По словам русского историка В. Ключевского, «Лжедмитрий I был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве». То же можно сказать и о Лжедмитрии II. Охотников на эту роль найти было не так просто. В конце концов заговорщики нашли на Украине какого-то бродягу, дерзкого и хитрого.

Наставник заставлял бродягу запоминать биографию Дмитрия, учил изящным манерам и разговору. Труд был напрасным. Всякому, кто видел «Дмитрия», сразу становилось ясно, что этот грубый, неотесанный человек не имел с царевичем ничего общего.

Войско Тушинского вора продолжало расти за счет новых отрядов поляков, казаков и русских изменников. Чтобы еще больше стеснить Москву, Самозванец послал 30-тысячное войско под командованием Сапеги и Лисовского к Троице-Сергиевой

лавре, которая соединяла Москву с севером и востоком. Через нее шла дорога на Новгород, Вологду, Пермь и Сибирь; на Владимир, Нижний Новгород и Казань. Монахи 16 месяцев защищали монастырь. Сапега и Лисовский так и не смогли взять его.

Шуйский, видя, как уменьшаются его войска, решил обратиться за помощью к шведскому королю Карлу IX. Переговоры вел Скопин-Шуйский. Шведский король дал 15-тысячное войско под командованием генерала Делагарди.

Михаил Скопин-Шуйский и Делагарди в короткий срок выгнали мятежников из многих городов. Но воины Делагарди не соглашались идти дальше, так как не получили полного жалованья. Дальше Михаил Скопин-Шуйский действовал один. Двадцатитрехлетний полководец за два месяца очистил все города — от Новгорода до московских преде-

Князь М.В. Скопин-Шуйский. Парсуна

лов. Именно он помог освобождению Троице-Сергиевой обители.

12 марта 1610 года Скопин-Шуйский въехал в Москву. Народ смотрел на него как на освободителя и будущего царя, так как у царя Василия сыновей не было. Но внезапная смерть помешала полководцу довести до конца великое дело спасения России. Он был похоронен рядом с московскими царями в Архангельском соборе.

тых осенней желтизной берез. Марине казалось, что она готова на все. Но когда Самозванец приехал, то, взглянув на него, она чуть не вскрикнула. Гадким показалось ей толстогубое, с белесыми бровями и ресницами и маленькими хитрыми глазами, лицо Лжедмитрия. Но она заставила себя преодолеть отвращение.

1 сентября Марина торжественно въехала в Тушинский стан. Стотысячное войско любовалось царицей. 5 сентября в стане Сапеги состоялось тайное венчание Марины с Лжедмитрием II.

Побег в Калугу

В один из декабрьских дней 1609 года в стане Самозванца с самого утра началось оживленное движение, беготня, хлопоты. В этот день ждали послов польского короля Сигизмунда. Уже приготовлены были столы, уставленные вкусной снедью.

Самозванец и Марина из окошка своего терема глядели на площадь. Торжественно въезжали королевские послы. Гетман Рожинский предложил послам войти в терем, чтобы представить их будущему московскому самодержцу.

— У нас дело только к польскому войску, — заявил князь Зборажский, — а царик ваш нам не нужен, — уже тише, с улыбкой шепнул он гетману.

Предводители польского войска усадили послов за пышный стол. Полковник Зборовский провозгласил тост за Сигизмунда, короля Польши и грядущего царя России. Присутствующие, услышав эти слова, сначала растерялись.

— Дмитрию вашему недолго осталось, — прямо сказал князь Зборажский. — Слышали: Тверь взята, Суздаль и Владимир изменили Дмитрию? Король Сигизмунд ждет вас. Он осадил Смоленск и скоро займет российский трон!

Самозванец, пораженный дерзостью послов, едва дождавшись, пока они уедут, вызвал к себе гетмана.

— Что делали здесь сигизмундовы прихвостни и почему прежде не явились ко мне? — закричал он и кинулся с кулаками на Рожинского.

Гетман, уже решившийся на измену, вспылал. Замахнувшись на царика, закричал:

— Черт знает, кто ты такой? Сколько крови за тебя пролили, а награды еще не видели!

Хлопнув дверью, он вышел из терема.

Лжедмитрий в ужасе кинулся к Марине:

— Гетман продал меня! Мне надо спастись!

Дождавшись ночи, он переоделся в крестьянское платье и вместе с любимым шутком Петром Кошелевым бежал, спрятавшись в навозные сани.

Вскоре проводили тушинцы, что Лжедмитрий в Калуге. Калужане встретили Тушинского вора как законного царя. Жители ввели царика в лучший дом, снабдили оружием. Снова были у него войско, свита и двор.

Не забыв измены ляхов, люто возненавидел их Лжедмитрий. Первым делом приказал утопить в Оке бывшего воеводу Калуги ляха Скотницкого.

— Всех истреблю! — кричал царик. — Как стану на Москве царем, не оставлю ни единого иноплеменника.

А Марина, потеряв надежду вернуть самозванца в Тушино, решила бежать к нему в Калугу.

Ночью 11 февраля 1610 года в одежде воина, вооруженная саблей и двумя пистолетами, она в сопровождении своей служанки и нескольких сотен дон-

ских казаков верхом ускakала из Тушинского лагеря. В темноте сбилась с дороги и попала в Дмитров, где стоял с отрядом польский воевода Сапега.

— Дмитрию конец, — убеждал он Марину, — тебе лучше ехать в Польшу.

— Царица московская не вернется в родительский дом изгнанницей, — гордо заявила Марина.

Лжедмитрий и калужане с восторгом встретили «царственную» гостью.

— Мало, что наша царица красавица, она еще и храбра, — говорили жители.

С этого дня Самозванец повеселел. «Приветливые горожане, красавица Марина — о чем еще можно мечтать? Все обрывается!» — размышлял бывший бродяжка, поднимая кружку с хмельным медом. Один шумный пир сменялся другим, еще более веселым и богатым.

А между тем новости были неутешительными. Князь Михаил Скопин-Шуйский разбил войска Лжедмитрия II и отнял у него еще несколько городов.

Россияне смотрели на молодого князя как на сказочного богатыря, героя-избавителя.

Лжедмитрий II отправил в Астрахань гонца с грамотой. Самозванец писал, что Москва осквернена иноземцами и что столицей он избрал Астрахань.

Казалось, ум помутился у него от злобы. То сидел на пирах, хмельной и расслабленный, в окружении татар, одаривал их богатыми подарками. А то начинал оскорблять их и казнил за любое неосторожное слово.

Верно служил ему касимовский царь Ураз-Магомет. Но однажды повздорил тот с сыном, а сынок-предатель донес Лжедмитрию:

— Отец замышляет измену, государь.

Тут же, не утруждая себя разбирательством, Самозванец приказал утопить Ураз-Магомета в Оке.

М.Клодт. «Марина Мнишек с отцом под стражей»

Начальник татарской стражи, крещеный татарин Петр Урусов, узнав, как погиб его друг, решил убить ханского сына. Но, обознавшись, вонзил нож в другого подгулявшего татарина.

Лжедмитрий II пришел в ярость. Как? Кто-то недоволен его распоряжениями? Он уже не имеет права казнить кого хочет? Самозванец приказал посадить Урусова в темницу. Держал его три дня без еды и питья, но потом заскучал без своего верного помощника. Он сам выпустил Петра, говоря, что простил его. Снова Самозванец сажал Урусова на пирах рядом, осыпал его милостями и всюду брал с собой.

С.Иванов. «Смута»

Петр Урусов, тая в душе гнев и месть, служил Самозванцу как верный раб.

11 декабря 1610 года со свитой из двадцати татар, шутом Кошелевым и любимым князем Урусовым Лжедмитрий II выехал на охоту.

Проехав четверть пути, Петр Урусов вдруг помчался вперед, круто повернул коня, остановился и с улыбкой стал поджидать Самозванца. Когда Лжедмитрий II приблизился, ногайский князь крикнул:

— Я покажу тебе, как топить ханов и сажать в темницу князей, которые тебе верно служили!

И в упор выстрелил. Злобно взмахнув саблей, князь отсек у мертвого уже Самозванца голову и вихрем умчался.

Едва живые от испуга, шут Кошелев и несколько слуг прискакали в Калугу ночью, будя жителей криками:

— Царь убит! Царь убит!

Поднялась паника. Ударили в набат. Марина, полураздетая, с растрепанными волосами, бегала по улицам, призы-

вая горожан к мести. Калужане истребили всех татар, не успевших бежать из города.

Обезглавленное тело Лжедмитрия II привезли в Калугу. Жители похоронили своего царика в соборной церкви у Троицы.

После этого князь Дмитрий Трубецкой, Черкасский и другие, до конца служившие Самозванцу, пошли с повинной в Москву. Войска москвитян взяли Калугу, а Марину под стражей увезли в столицу.

С Самозванцем было покончено, но разоренное Российское государство находилось на краю гибели. 19 июля 1610 года царя Василия свергли с престола бояре-изменники и насильно постригли в монахи. В страну вторглись польско-литовские интервенты. Сначала Владислав, а потом и польский король Сигизмунд стремились завладеть русским тронном. Началось тяжелейшее на Руси время междоусобицы.

Икона Казанской Богоматери считалась избавительницей Руси от польского нашествия

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

Царские знаки

В сумерках пробирался к хутору Талый Умет человек среднего роста, широкоплечий, сухощавый. На нем были верблюжий армяк и голубая калмыцкая шапка. Крадучись, подошел путник к двери постоянного двора и негромко постучал.

— Кто там? — услышал он знакомый голос хозяина Степана Оболяева.

— Это я, Пугачев, — ответил пришелец хрипловатым от долгого молчания голосом. — Примешь гостя?

— Заходи, заходи, — обрадовался Степан, — чаевничать будем. Откуда ты теперь?

— Беглый я, Степа. Из острога казанского бежал. Неделю к вам на Яик пробирался, — рассказывал Пугачев. —

Г.-Х. Гроот. «Конный портрет Петра III»

Казнь Пугачева. Гравюра

Пугачев Емельян Иванович (1742—1776) был беглым донским казаком станицы Зимовейской. В 18 лет он пошел на военную службу. Шла Семилетняя война с Пруссией, и он около трех лет был в походах и сражениях. Один из полковников «за отличную проворность» взял его ординарцем.

В 1770 году, вернувшись с русско-турецкой войны, Пугачев твердо решил освободиться от военной службы. Оставив семью — жену, сына и трех дочерей — ушел на Терек, к терским казакам. Трижды ловили беглеца, и трижды он ухитрялся бежать.

В 1772 году на Добрянском пограничном форпосту у купца-старовера он узнал: в Царицыне объявился император Петр III. Власти хотели сослать его в Сибирь, но он бежал. Это известие раззадорило Пугачева и привело казака к решению пойти на Яик, чтобы объявить себя императором.

*С. Герасимов
Пугачевец*

Первые дни все больше по темноте шел. Как у вас казаки, хорошо ли живут?

— Худо теперь у казаков, — пожаловался Степан. — Многие бежать помышляют. Слышал, какой бунт поднимали? А теперь расправы ждут.

Через несколько дней хозяин и Пугачев парились в бане. Степан, увидев на груди постояльца затянувшиеся не то рубцы, не то шрамы, спросил:

— В чем это грудь у тебя? Сроду не видал этакого!

Пугачев таинственно промолчал, лишь глазами сверкнул.

В тот же вечер, за чаем, он шепотом спросил у хозяина, видел ли тот у него на груди царские знаки?

Оболяев оторопело посмотрел на гостя. И тут Емельян, придвинувшись к самому уху хозяина, быстро прошептал:

— Я ведь не купец вовсе, Степа, я император-изгнанник Петр III. Слышал, что под Царицыном меня видели?

— Слышал... — онемев от испуга, выдавил Оболяев и вдруг вскочил и, кланяясь без остановки, стал просить прощения у «императора».

— Прости, что обходился-то с тобой как с простым человеком. Не знал ведь я, кто со мной рядом!

Оболяев упал на колени.

— Встань, я не в обиде, — ласково отвечал Пугачев.

— Мне бы с казаками побеседовать, Степа, — попросил Пугачев. — С такими, что понадежнее. Приведешь?

На другой день на Талый Умет приехали несколько казаков.

— Знают ли они, как должно к государю подходить? Пусть на колени встанут да руку мою целуют!

Казаки упали перед «императором» на колени.

— Встаньте, детушки, — ласково и величественно попросил самозванец и протянул руку.

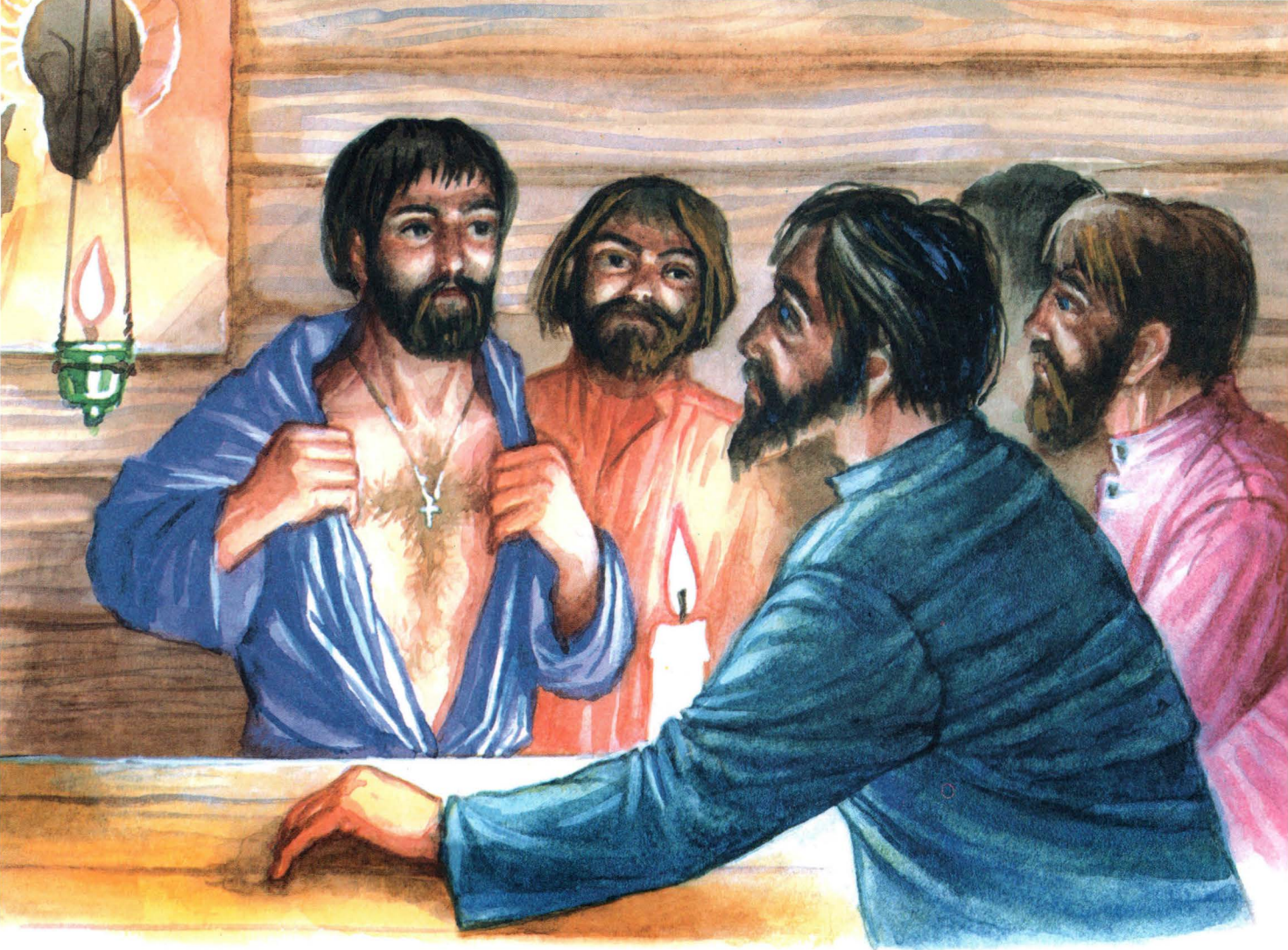
Казаки с трепетом ее целовали.

Через несколько дней, 15 сентября 1773 года, на встречу с «государем» пришли еще человек десять казаков.

Пугачев вышел к ним на крыльцо. Низко поклонившись, крикнул:

— Здравствуй, войско яицкое! Доселе отцы ваши и деды в Москву да в Петербург к монархам ездили, а ныне монарх сам к вам приехал.

Несколько казаков с недоверием глядели на крепкого, стриженного по-казацки и в казацкой же одежде мужика.

Один из казаков, что побойчей да посмелей, крикнул:

— А ежели ты государь, то предъяви свои царские знаки!

— Раб ты мой, а мной повелеваешь, — строго ответил Пугачев.

Он рванул ворот рубахи и взмахом руки показал на грудь. Казаки увидели два пятна на левой стороне груди и одно — на правой.

Наступила мертвая тишина. Пугачев приподнял волосы на левом виске, и все увидели еще один «знак».

— Что это там, батюшка? — спросил казак Шигаев. — Орел, что ли?

— Это, друг мой, царский герб. Казаки стали кланяться.

— Признаем тебя, великий государь! Истинно, царь ты! — слышалось со всех сторон.

Посыпались жалобы на тяжелую жизнь.

— Притесняют нас, житья не дают! Защити нас, Петр Федорович!

— Знаю я об этом, детушки, — заботливо отвечал самозванец. — Когда нет настоящего пастыря, народу всегда худо. Если вы за меня заступитесь, тогда и я вас в обиду не дам.

— Будем тебе служить, государь! — хором отвечали казаки.

Тут все встали на колени.

Денис Караваев достал складни — походные иконы, и казаки присягнули: «Обещаем перед Богом служить тебе, государь, до последней капли крови».

Стан самозванца пополнялся каждую минуту. Шли к нему не только казаки, но и татары, калмыки, башкиры. Везли знамена, одежду, оружие.

Однажды Пугачев попросил Зарубина:

— Мне теперь, друже, письменный человек нужен — отыщи и пришли мне его.

Писарем уговорили стать сына Якова Почиталина, Ивана. Он считался среди казаков самым грамотным.

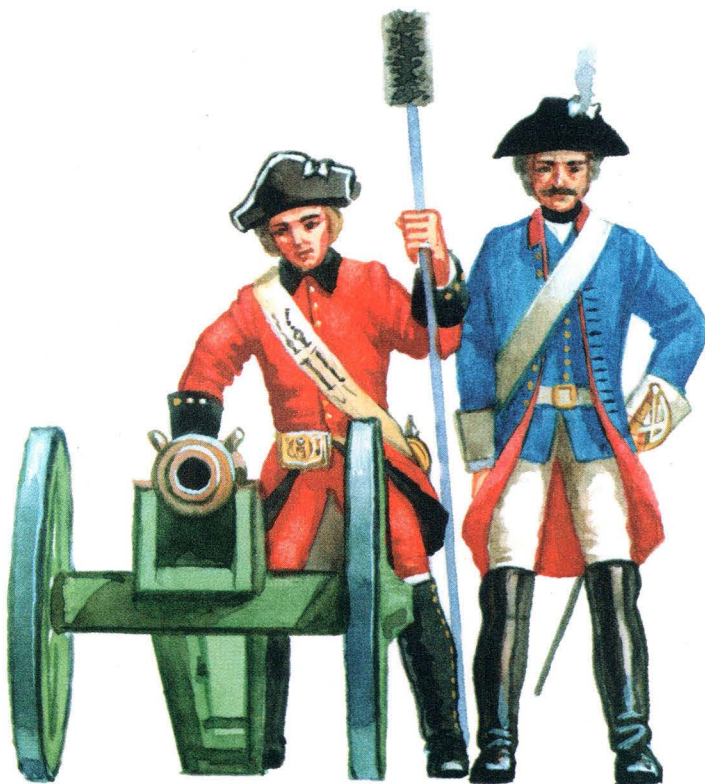
Пугачев приказал ему написать манифест.

— Напиши хорошенько! — грозно взметнув брови, добавил он.

Почиталин долго трудился и угодил «императору». Довольный Пугачев созвал казаков — в стане самозванца было около 70 человек.

Почиталин вышел вперед и стал читать: «Жалую казаков всею рекою Яиком, с вершины до устья, и землею, и

Яицкие казаки

Регулярные войска

травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом...»

— Ну что? Хорошо ли? — спросил Пугачев.

— Хорошо! — закричали казаки. — За это будем служить тебе. Веди нас, государь!

Пугачев подал знак, знаменосцы развернули разноцветные стяги, и войско двинулось к Яицкому городку.

Занимая мелкие форпосты и крепости, пугачевцы быстро продвигались вперед. Армия Пугачева росла с каждой минутой. За неделю собралось около пятисот человек.

27 сентября бунтовщики подошли к крепости Татищева. Крепость была хорошо вооружена и защищена. Сюда только что прибыл из Оренбурга отряд в четыреста человек с шестью пушками. Теперь в крепости было около тысячи солдат и 13 пушек.

Зверства в Татищевой крепости

Комендант крепости полковник Елагин, ожидая мятежников, спокойно продумывал каждую деталь предстоящей обороны.

На заре к нему постучался капитан Биллов. По его лицу было видно, что случилось что-то ужасное.

— Отряд офицера Падурова ушел к Пугачеву!

— Падуров? Мерзавец! Оренбургский отряд силен, и я на него надеялся. Ничего, с нами Бог! — произнес Елагин и перекрестился.

Вот как писал об этом А.С. Пушкин:

«Утром Пугачев показался перед крепостью. Он ехал впереди своего войска.

— Берегись, государь, — сказал ему старый казак, — не ровен час из пушки убьют.

— Старый ты человек, — покачив головой, весело ответил самозванец, — разве пушки льют на царей?»

Мятежники кричали солдатам, чтобы они не слушались коменданта и сдавались. В ответ загремели выстрелы.

Пугачев разделил войско на две части, во главе одной из них бросился на крепость, но Елагин без труда отбил атаку.

Взбешенный Пугачев приказал поджечь сено под крепостной стеной.

— Что терять мне вас понапрасну, детушки мои! Да, видно, мне здесь не рады. А раз так, подпалим их! — крикнул дерзкий атаман.

В. Перов. «Суд Пугачева»

*А. Венецианов
«Портрет А.И. Бибикова»*

Известие о взятии яицких крепостей и осаде Оренбурга Пугачевым обеспокоило Екатерину II. Направленные против самозванца войска во главе с генерал-майором Каром потерпели поражение.

Императрица Екатерина II приказом уволила Кара со службы и стала искать для столь серьезного дела под-

А. Антропов. «Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны»

ходящего человека. Выбор пал на генерал-аншефа Бибикова.

25 декабря 1773 года Бибиков прибыл в Казань. Твердость и четкие распоряжения Бибикова подняли дух жителей. Казанское дворянство на свои деньги вооружило конное войско. Отряд возглавил генерал-майор Ларионов.

Дело пошло успешно. Генералы и офицеры, отправленные Бибиковым для умиротворения мятежников, то и дело сообщали о победах.

В марте 1774 года генерал Голицын освободил от осады Оренбург. Были взяты ближайшие помощники Пугачева — Витошнов, Почиталин, Шигаев, Падуров.

Но Пугачев успел скрыться. Он бежал к заводам Южного Урала, где надеялся пополнить свое войско. Снова набрав многотысячное войско, самозванец сжег Казань и двинулся на Саратов, взяв по пути Саранск и Пензу. После Саратова мятежники с боем взяли Камышин и пошли на Царицын. Подполковник Михельсон настиг Пугачева под Царицыном. Молниеносным ударом Михельсон разбил войска самозванца и сорок верст гнал их.

Сухое сено вспыхнуло мгновенно. Занялся пожар. Ветер, дувший в сторону крепости, гнал огонь прямо на нее. Пламя перекинулось на дома внутри крепости. Осажденные бросились спасать свои семьи и добро.

Крики ужаса, женский визг, детский плач, вой огня наполнили крепость. Раненый Елагин и Билев оборонялись отчаянно. Но почти все казаки сдались Пугачеву.

Пугачевцы отсекли несчастному Билеву голову. Над полковником Елагиным долго издевались. Затем, содрав с него кожу, зверски убили. Жену его

изрубили саблями. Красавицу дочь коменданта привели к самозванцу. Она понравилась Пугачеву, и он взял ее в наложницы.

В ночь на 4 октября 3-тысячное войско Пугачева перешло реку Сакмару и двинулось на Оренбург. Самозванец расположился лагерем на просторных казачьих лугах, всего в пяти верстах от Оренбурга.

— Не стану терять людей, — говорил он своим казакам, — возьму город измором.

В декабре 1773 года началась длительная осада Оренбурга.

Измена

По дороге двигался небольшой отряд казаков. Это были остатки пугачевского войска. Впереди ехал сам Пугачев. В задумчивости глядел он на дорогу.

Как хорошо все начиналось! Сколько крепостей, малых и больших городов взял он. Неисчислимо было его войско. И вот что от него осталось: горстка унылых, усталых казаков.

И он, и его товарищи понимали, что это конец. В тревожном молчании ехали они за своим предводителем. Пугачев чувствовал, что зреет заговор.

— Куда ты думаешь идти, ваше величество? — спросил, поравнявшись с самозванцем, Иван Бурнов.

Емельян поднял голову.

— А я, детушки, думаю, идти нам надо по крепостям, соберем новое войско, больше прежнего, — отвечал он, все еще изображая государя-батюшку. — Перезимуем в Гурьевом городке, а как лед вскроется, то поплывем на судах за Каспийское море, подыдем там орды... Или пойдём в Сибирь...

— Нет уж, долго мы за тобой ездили, а теперь тебе пора ехать с нами! — с досадой бросил Железнов, один из приближенных к Пугачеву казаков. — Иван! Что задумал — исполняй! — крикнул он Бурнову.

Бурнов схватил Пугачева за руки. Задумчиво-ласковое лицо Пугачева вмиг стало багровым от гнева.

— Что вы задумали? — сверкая черными очами, заорал он. — На государя руку поднимаете?

— Какой ты государь?! Имени своего написать не умеешь! — буркнул Бурнов. — Самозванец ты, а не государь.

Тут казаки разом набросились на Емельяна, отняли оружие и стали вязать его. Пугачев долго отбивался и, вскочив на лошадь, понесся к камышам. Казаки быстро перехватили его. Пугачев сле-

тел с лошади, но мгновенно поднялся на ноги. Бледный, с бешеными огненными глазами, остановился он перед казаками. Усилием воли подавил гнев:

— Я давно видел вашу измену. Подай сюда, Иван! — позвал он любимого казака Ивана Творогова.

Творогов, взглянув на товарищей, подошел к Пугачеву. Тот протянул ему руки и сказал: «Вяжи!» Творогов хотел скрутить ему руки назад.

Пугачев оттолкнул его.

— Разве я разбойник? — с горечью сказал он, угрюмо глядя на Творогова.

Творогов, пряча глаза, связал ему руки. Самозванца посадили верхом на коня и повезли к Яицкому городку.

Пугачев смиренно и спокойно ехал на коне вместе с казаком Федульевым. Вдруг с силой рванул он руки, еще и еще раз, так, что обрывки веревки посыпались на землю. Одним молниеносным движением выхватил он пистолет у рядом едущего казака и, выстрелив, крикнул:

— Вяжите изменника!

Но казаки накинулись на него. Долго не могли справиться: Емельян, как зверь, рычал и вырывался. Наконец связали его.

...Недавно Яицкий городок встречал самозванца как государя — хлебом-солью, знаменами и молебнами. Теперь его вывели на площадь в колодках и показывали народу как опасного преступника.

Т. Назаренко. «Пугачев»

На казнь

Пугачев сидел в железной клетке на двухколесной телеге. Хорошо вооруженный отряд при двух пушках охранял его. Лицо бунтовщика заросло черной щетиной, косматая борода спуталась, но черные глаза горели огнем.

Сам Суворов прибыл в Яицкий городок, чтобы сопровождать Пугачева в Симбирск. С любопытством беседовал он с самозванцем, расспрашивал о военных действиях и планах. Пугачев, ничуть не смущаясь, отвечал знаменитому полководцу.

Наконец прибыли в Симбирск. Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину. Самозванец был в веселом и спокойном расположении духа, когда его подвели к крыльцу, на котором стоял Панин, окруженный своим штабом.

— Кто ты таков? — грозно спросил Панин самозванца.

— Емельян Иванович Пугачев, — ответил тот.

— Как же смел ты, вор, называться государем?

— Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает, — с издевкой ответил Пугачев.

Панин, вне себя от гнева, ударил бунтовщика так, что кровь полилась у того по лицу, рванул за бороду и вырвал клоч. Тут Пугачев впервые оробел. Он упал на колени и стал просить прощения.

Сковали его по рукам и ногам железными обручами, посадили под крепкий караул. На цепи, привинченной к стене, Емельян сидел целый месяц, пока не был отправлен в Москву, где должна была решиться его участь. Закованного, везли его в зимней кибитке на переменных лошадях.

Москвичи со страхом и любопытством встречали разбойника. Его провезли через толпы народа и в кандалах посадили на цепь, приковав к стене Монетного двора. Два месяца с утра до ночи любопытные ходили смотреть на него, словно на редкого зверя.

10 января 1775 года Пугачева повезли на казнь. На Болотной площади поставили высокий помост. Вокруг него неподвижным строем стояли пехотные полки. Был такой жестокий мороз, что офицеры поверх мундиров надели длиннополые шубы.

Площадь кипела народом. Кровли домов и лавок были заполнены людьми. Многие забрались на козлы карет и колясок. Вдруг вся площадь всколыхнулась. Гул голосов прокатился по ней:

— Везут! Везут!

Появился отряд кирасир. За ним показались сани с высокими сиденьями по бокам. За санями — конница и толпа осужденных бунтовщиков.

В санях на высоком сиденье сидел Пугачев. В руках он держал две зажженные свечи желтого воска. Воск с оплавивших свечей лился ему на руки. Приговоренный был бледен. Сверкающими глазами оглядывал он толпы народа.

У самой площади Емельян поднялся, обнажил голову и стал кланяться во все стороны. Сани остановились напротив

Ж.Л. Вуаль. «Портрет графа Н.П. Панина»

В. Суриков. «Портрет А.В. Суворова»

эшафота. Пугачев в сопровождении чиновников взшел на помост. Раздалась команда «На караул!». Один из чиновников стал читать приговор.

— Пугачев Емельян родился в станице Зимовейской, — объявил чтец.

Тут обер-полицмейстер громко на всю площадь спросил:

— Ты ли донской казак Емелька Пугачев?

— Все так, я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев! — ответил приговоренный.

Чтец продолжал:

— Четвертовать. Голову посадить на кол...

Емельян в длинном белом бараньем тулупе все время крестился на соборы. Потом стал прощаться с народом. Голос его прерывался.

— Прости, народ православный, отпусти, в чем согрешил перед тобою... Прости, народ православный... — повторял он.

Тут экзекутор дал знак. Палачи бросились раздевать приговоренного. Со-

рвали тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового кафтана. Пугачев всплеснул руками, повалился ничком — и через миг окровавленная голова упала на помост...

17 марта 1775 года Екатерина II опубликовала манифест, в котором пугачевское восстание предавалось «вечному забвению и глубокому молчанию».

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Свидание в замке

В 1770—1772 годах по Европе странствовала таинственная женщина. Эта загадочная особа жила в разных городах под разными именами. В России она больше известна как княжна Тараканова.

В 1772 году она поселилась в Париже, в богатом особняке, под именем персидской княжны Али-Эмета. Княжна окружила себя атмосферой таинственности. Часто начинала говорить о детстве, но, как бы спохватываясь, замолкала.

Красота, ум, изящные манеры притягивали к ней толпы поклонников.

Однажды среди гостей княжны оказался немецкий князь Лимбург. Как зачарованный весь вечер смотрел он на княжну. Лимбург стал самым страстным поклонником княжны.

Несколько раз Лимбург просил руки княжны, но она отвечала уклончиво. Наступил день именин княжны. Лимбург приехал раньше других.

— Я хочу подарить вам свой замок Оберштейн, — торжественно произнес

князь. — Живу надеждой, что когда-нибудь вы согласитесь стать моей женой.

— Может быть, — кокетливо ответила княжна и поцеловала князя.

Вскоре она переехала в замок.

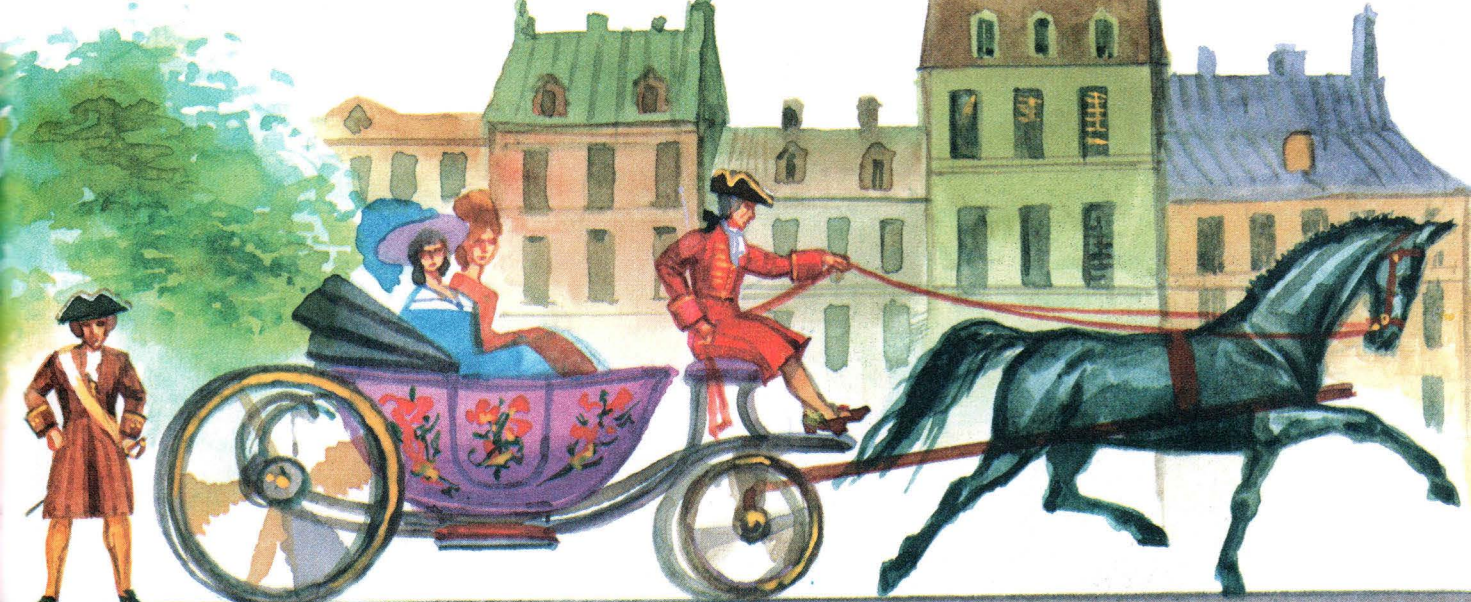
Однажды во время бала к счастливой, раскрасневшейся после танца княжне подошел незнакомец. Окинув ее пристальным взглядом, он протянул руку:

— Карл Радзивилл. У меня к вам важный разговор. Когда я смогу увидеть вас?

— Я поняла, — кивнула княжна — Завтра в 12 часов в замке Оберштейн.

На следующий день в 12 часов незнакомец был у ворот замка. Слуга провел его к княжне. Никто не знает, о чем говорили польский магнат Карл Радзивилл и княжна Али-Эмета. Но прошло немного времени, и вдруг по Европе разнесся слух, что княжна — наследница русского трона, дочь императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета!

— Я хочу предъявить свои права на престол, — говорила она Лимбургу. — Польша согласна помочь мне. Надеюсь и на русские войска, стоящие в Турции.

Таинственная незнакомка

Этой загадочной женщине посвящено множество научно-исторических очерков, повестей и романов. Она родилась предположительно в 1745 году и скончалась в 1775-м. Известна была под именами: девица Франк, мадемуазель Шель, госпожа де Тремуль, госпожа Зелинская, княжна Владимирская и княжна Елизавета. Тайна ее происхождения до сей поры остается неразгаданной.

Впервые она заявила о своих правах на российский престол в городе Рагузе (современное название — Дубровник, Хорватия). Мнимая княжна представила правительству Рагузской республики выписки из своих документов (естественно, фальшивых) — завещания Петра I, императриц Екатерины II и Елизаветы Петровны. В последнем говорилось, что Елизавета оставила российский престол своей незаконнорожденной дочери, принцессе Елизавете.

Самозванке было около тридцати лет. Она свободно говорила по-немецки, по-французски, понимала английский и итальян-

янский, но... не говорила по-русски. Многие историки склоняются к тому, что идею объявить себя княжной Елизаветой авантюристке подали польские конфедераты. Они страстно ненавидели Екатерину II и Россию, которая в то время владела многими польскими землями.

Г.-Х. Гроот. «Конный портрет Елизаветы Петровны с арапчонком»

К.-Л. Христинек. «Портрет адмирала графа А.Г. Орлова-Чесменского»

Коварство и любовь

Граф Алексей Орлов, адмирал русской эскадры, недавно победил турок под Чесмой. Он предвкушал славное возвращение в Россию, щедрые награды и милость императрицы — Екатерина II умела быть благодарной.

Эскадра стояла в Ливорно, готовясь к возвращению на родину, а граф поселился в Пизе — уютном городке среди роскошной итальянской природы.

Два дня назад Орлов получил странное письмо, о кото-

ром не переставал думать. Некая русская княжна Елизавета писала ему, что она дочь императрицы Елизаветы Петровны, наследница трона Романовых и хочет предъявить свои права на престол. «Выражаю надежду, — писала княжна, — что вы, доблестный адмирал, не замедлите встать на мою сторону». Она предлагала графу встретиться с ней. Из осторожности княжна скрыла свое местонахождение. К письму была приложена копия завещания императрицы Елизаветы.

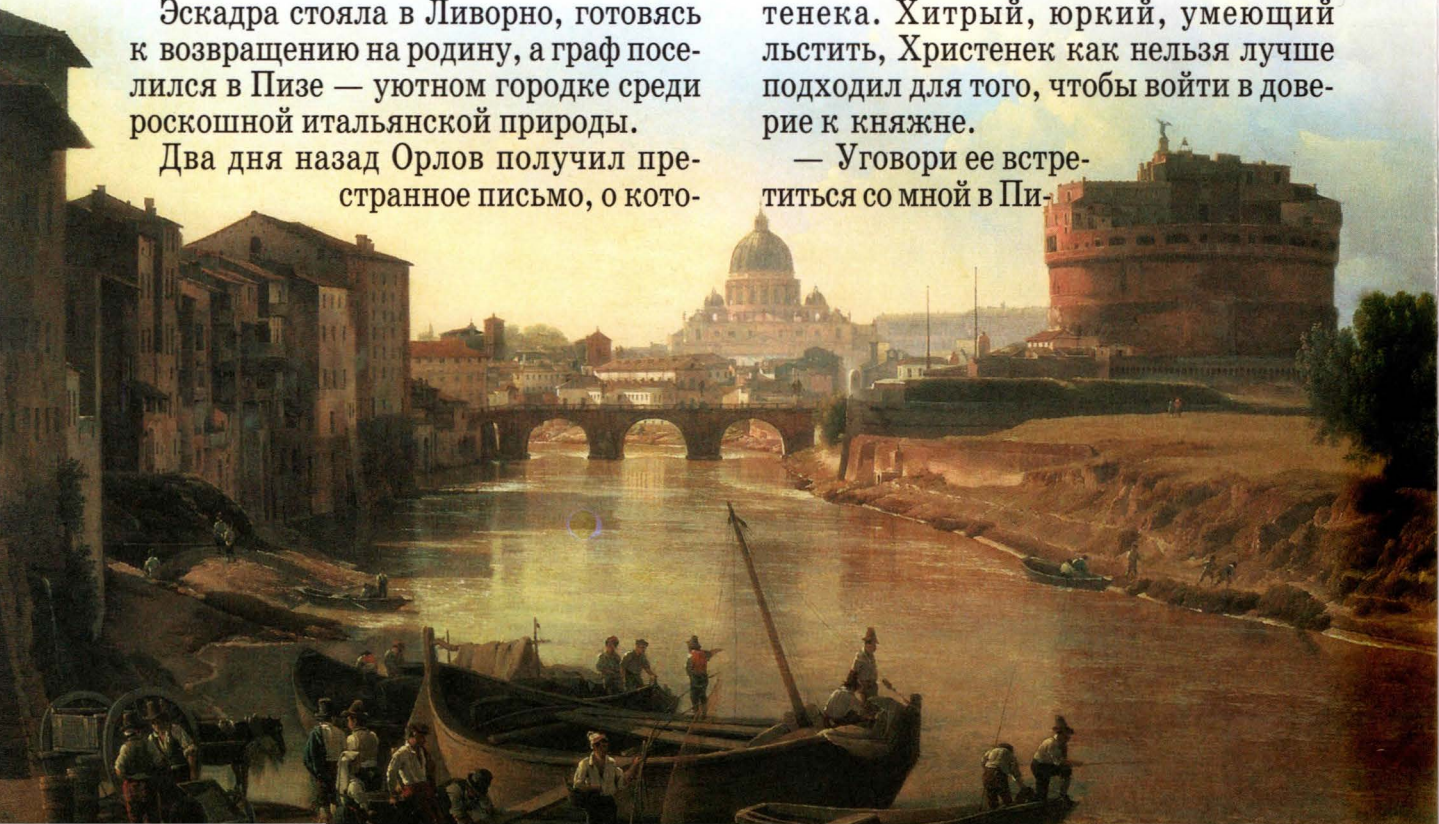
Орлов решил переслать письмо Екатерине, а от себя добавил: «Такая или нет дочь Елизаветы, не знаю. А буде есть и хочет не принадлежащего себе, то я навязал ей бы камень на шею, да и в воду...»

Граф не стал ждать, пока придет ответ от Екатерины II. Он начал искать, где скрывается княжна.

Наконец один из его агентов напал на след. Он сообщил, что в Риме живет некая графиня. Жизнь ее окружена тайной. Вероятнее всего, это и есть мнимая княжна Елизавета.

Граф вызвал к себе адъютанта Христенека. Хитрый, юркий, умеющий льстить, Христенека как нельзя лучше подходил для того, чтобы войти в доверие к княжне.

— Уговори ее встретиться со мной в Пи-

зе. Лести ей, называй русской императрицей, красавицей, но добейся, чтобы она согласилась на встречу.

Приехав в Рим, Христенек нашел особняк, где жила «великая княжна». Каждый день он просил докладывать о себе, но слуга неизменно отвечал:

— Княжна никого не принимает. Не пытайтесь добиться встречи с ней.

Пронырливый Христенек, повертевшись у особняка две недели, однажды все-таки проскользнул к княжне.

Шел одиннадцатый час вечера. Княжна сидела за столом и что-то писала. Увидев незнакомца, она вздрогнула, но тут же подавила в себе страх. Властно посмотрела на пришельца, собралась что-то крикнуть.

Но Христенек опередил ее.

— Я от графа Орлова, — торопливо проговорил он, — выслушайте меня.

Княжна встала. На лице ее отразилась буря душевных волнений, которые она пережила за эти дни.

— Я вас слушаю, — проговорила наконец княжна.

— Граф не сомневается в подлинности завещания, — тихо проговорил адъютант. — Он готов перейти со своим флотом на вашу сторону. Он поможет вам!

Самозванка молчала.

— Мне нужно подумать, — наконец сказала она.

Через три дня княжна все-таки решилась. 12 февраля 1775 года под именем графини Зелинской княжна выехала из Рима. Через четыре дня она была в Пизе.

Граф Орлов ликовал, но не выдавал своих истинных намерений. Он обращался с княжной почтительно, предупреждал каждое желание «царственной особы» и держался с ней как самый верный подданный.

К тому времени он уже получил письмо от Екатерины с повелением взять самозванку под стражу и переправить в Россию, с разрешением даже использовать флот, если власти Рагузы откажутся выдать Тараканову. А Елизавета думала, что русский флот на ее стороне.

Граф притворился безумно влюбленным. «Великая княжна» очень скоро ответила ему взаимностью. Она похорошела и так веселилась и кокетничала, что через некоторое время Орлов и впрямь почувствовал себя слегка влюбленным. Но не поддался чувству, а лишь ломал голову над тем, как заманить самозванку на русский корабль.

Помог графу английский консул в Ливорно Джон Дик. Он прислал адмиралу письмо: «Уважаемый граф, в Ливорно произошел конфликт между русскими и английскими моряками. Ваше присутствие необходимо». Письмо было на

английском языке, которого граф не знал. Княжна перевела его графу.

— Я должен ехать, — печально сказал Орлов, — служба — превыше всего.

Княжна загрустила. Тогда Орлов стал упрашивать ее поехать с ним. Это будет чудесное путешествие! Должна же будущая императрица увидеть свой флот!

Княжна согласилась.

Английский консул дал обед в честь «ее высочества» Елизаветы. Стол ломился от экзотических блюд и фруктов.

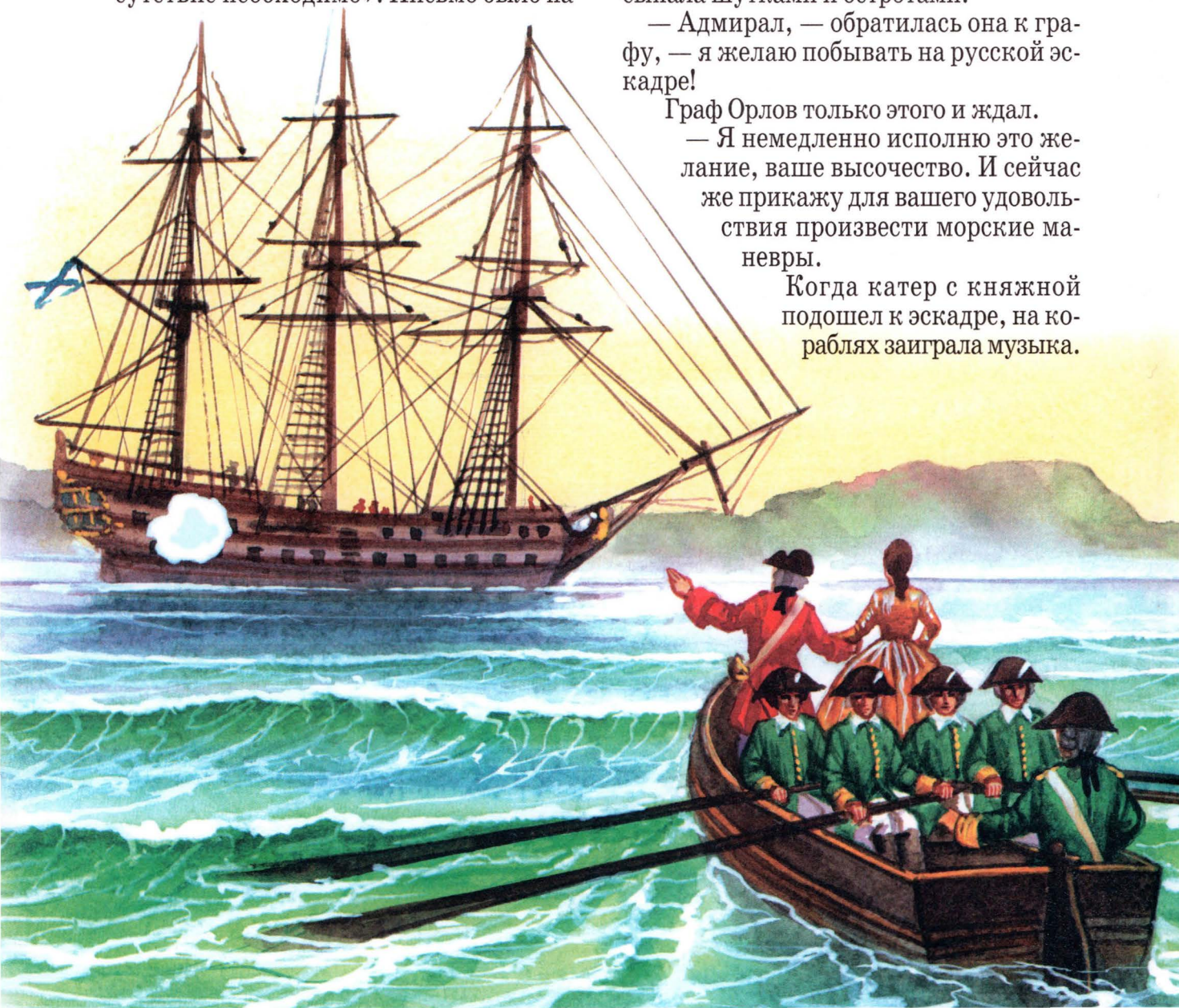
Княжна веселилась как никогда. Так и сыпала шутками и остротами.

— Адмирал, — обратилась она к графу, — я желаю побывать на русской эскадре!

Граф Орлов только этого и ждал.

— Я немедленно исполню это желание, ваше высочество. И сейчас же прикажу для вашего удовольствия произвести морские маневры.

Когда катер с княжной подошел к эскадре, на кораблях заиграла музыка.

Раздалось дружное «Ура!». С адмиральского корабля «Три иерарха» спустили кресло и подняли княжну на борт.

Стоя у кормы, княжна мечтательно глядела на море. Как все хорошо складывается! Она по-настоящему влюбилась в этого умного, знатного мужчину. И граф любит ее. Возможно, они поженятся. Он поможет ей взойти на трон.

Вдруг она услышала резкий окрик:

— Именем ее императорского величества вы арестованы!

— В чем дело? Где граф? Вам дорого обойдется эта шутка! — в гневе вскричала самозванка.

Но поняв, что это не шутка, рыдая и непрерывно зовя графа в надежде, что ее услышат на берегу, княжна пыталась вырваться.

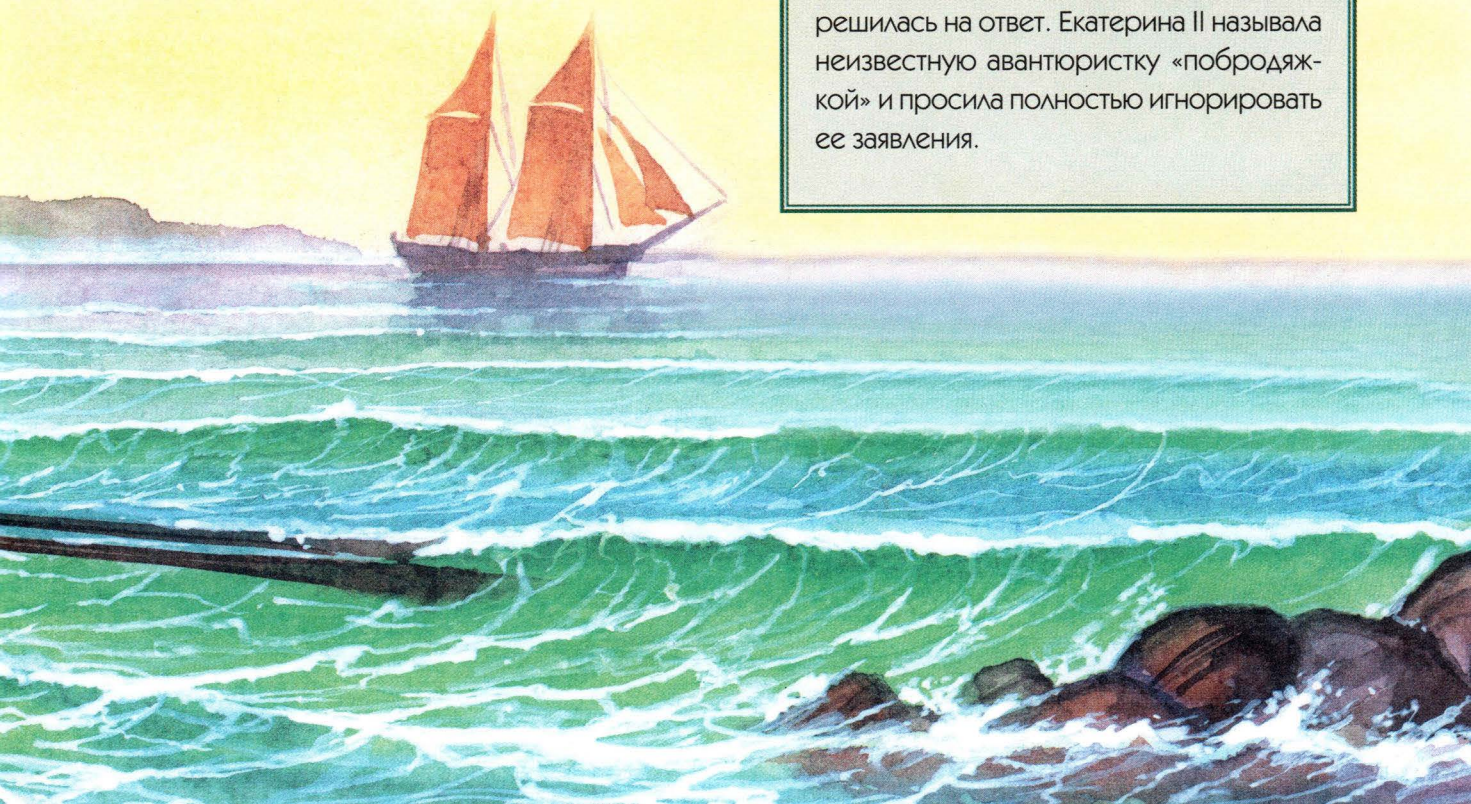
Когда княжна поняла, что граф Орлов ее просто обманул, она затихла, замкнулась в себе и больше из каюты не выходила.

22 мая 1775 года Екатерина поздравляла графа Орлова с успешным проведением операции.

Ф. Рокотов
«Портрет Екатерины II»

Екатерина II впервые узнала о появлении претендентки на ее престол из донесений французского посла. Сначала императрица не сочла нужным отвечать на этот «вздор». Но после того как сенат Пагузской республики, опасаясь осложнений, направил в Россию официальное заявление, решилась на ответ. Екатерина II называла неизвестную авантюристку «побродяжкой» и просила полностью игнорировать ее заявления.

Д. Левицкий. «Портрет вице-канцлера князя А. М. Голицына»

Узница

Всю ночь лил дождь. А когда наступил серый мокрый рассвет, к гранитным стенам Петропавловской крепости тихо причалила яхта. Под конвоем русско-го офицера из нее вышла женщина.

Комендант, всю ночь поджидавший новую узницу, провел ее в один из казематов крепости.

Допрашивать таинственную пленницу Екатерина II поручила фельдмаршалу князю Голицыну.

Фельдмаршал вошел в полутемную комнату с низким сырым потолком и каменным полом, от которого исходил ледяной холод.

Навстречу князю от стола поднялась статная, с пышными темными волосами женщина. Царственное выражение лица и большие карие глаза показались Голицыну знакомыми.

— По какому праву так поступают со мной? — гневно и с горечью воскликнула она, глядя на Голицына сверкающим взором.

На мгновение князь почувствовал в сердце холодок. Он понял наконец, кого напоминала ему арестованная. Она была необыкновенно похожа на покойную императрицу Елизавету Петровну, которой Голицын верно служил в молодые годы.

— Кто ваши родители? Кто надоумил вас говорить, что вы дочь императрицы Елизаветы Петровны? — мягко спросил фельдмаршал.

— Мне часто говорили об этом в детстве, — ответила самозванка. — Моя нянька Катерина, дядя князь Али, друзья часто говорили, что моя мать — императрица Елизавета Петровна и что я последняя из дома Романовых, — закончила самозванка свой рассказ.

Тут бедная арестантка закашлялась, лихорадочный румянец выступил на ее щеках, и она в изнеможении опустилась на стул.

— Злые люди использовали вас для своих целей, — с сочувствием сказал ей Голицын, — откройтесь, кто вы есть на самом деле?

— Мне не в чем сознаваться. Я верю в свое происхождение, — твердо ответила женщина и отвернулась от фельдмаршала.

Еще не один раз князь Голицын допрашивал узницу. Но самозванка была непреклонна.

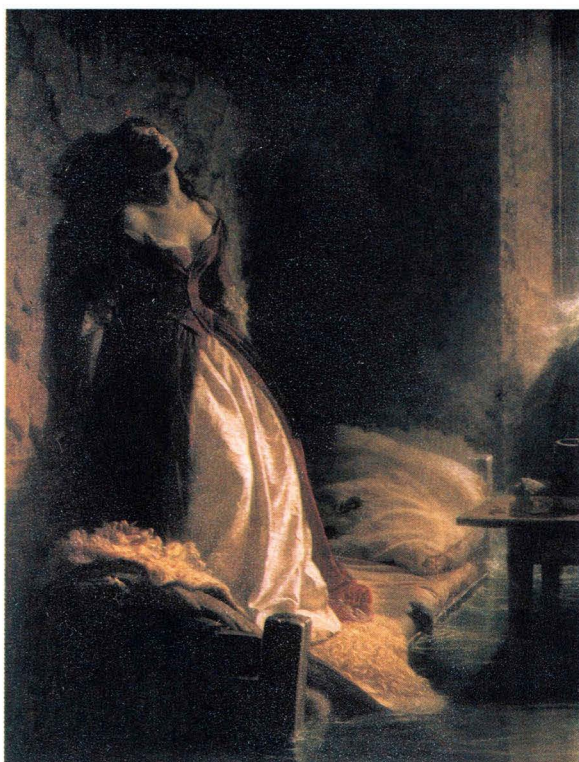
Наконец терпение фельдмаршала лопнуло. Он громко приказал коменданту:

— Ввиду запирательства, отобрать у нее все, кроме необходимой одежды и постели!

Голицын взглянул на самозванку. Но не испуг, а страшный гнев оскорбленной принцессы увидел он в ее горящих глазах.

— Вы не смеете! — вскричала она, вскочив с кровати и гордо протягивая к нему исхудавшие, но еще красивые руки.

— И кормить ее той же едой, что и прочих арестантов, — услышала она в ответ.

К. Флавицкий. «Княжна Тараканова»

Наступил ноябрь. Здоровье арестантки день ото дня становилось хуже. Больная почти не вставала. Часто подолгу молилась в тишине, глядя на образок Спаса, прибитый к стене.

30 ноября она слабым голосом попросила привести к ней священника, чтобы исповедаться и причаститься Святых Таинств.

Отец Петр вошел в отворенную дверь каземата. Свеча едва освещала комнату. Женщина, укрытая серым овчинным одеялом, лежала неподвижно. Увидев священника, она радостно протянула к нему руку.

— Я готова, спрашивайте, — едва слышно проговорила она.

Отец Петр присел на стул и склонился над умирающей.

— Между нами один свидетель — Господь, — убеждал он женщину, по измученному лицу которой катились слезы. — Снимите грех с души. Кто вы? Кто ваши родители?

— Не знаю, — с мукой в голосе произнесла больная. — Что мне говорили, в том и сама убеждена.

Она тяжело дышала, снова и снова заходила от кашля.

— Кто надоумил вас... — начал было священник.

— Никто! — прервала она его. — Я очень устала... В другой раз...

Глаза несчастной закрылись.

Отец Петр перекрестил умирающую и вышел. Несчастная узница впала в беспамятство.

Несколько лет назад, когда она тайно приехала в Петербург, кто-то рассказывал ей, какие страшные здесь бывают наводнения. И теперь ей снилась вода. Темная, зловещая, она хлестала в окно через ржавые решетки, быстро наполняла комнату. Сначала вода доставала лишь до подола ее изорванного платья. Но очень скоро, страшась захлебнуться, узница поднялась на кровати, от слабости прислонившись к холодной стене. То, что увидела она затем, испугало ее больше, чем грозящая смертью вода. По комнате плыли крысы, они уже забрались на кровать и цеплялись за подол ее пла-

Наводнение в Петербурге

Л. Токке. «Портрет графа А.Г. Разумовского»

М. Нестеров
«Великий постриг»

В России народ называл таинственную женщину княжной Таракановой. Хотя сама она никогда так себя не называла. Под этим именем в истории России значится другая трагическая личность — возможно, истинная дочь императрицы Елизаветы от тайного брака с графом А.Г. Разумовским, хотя доказательств этому нет. Она носила имя Августы Таракановой. По какой причине ей досталась эта фамилия, точно не известно.

В 1785 году по приказу Екатерины II ее постригли в монахини с именем Досифеи и отправили жить в Ивановский женский монастырь. Она жила в келье, неустанно молясь.

О высоком происхождении Досифеи знала настоятельница монастыря. На ее содержание отпускалась крупная сумма, большую часть которой Досифея жертвовала монастырю и раздавала бедным. Время от времени ее навещали знатные особы.

После восшествия на престол императора Александра I Досифею содержали более свободно, но она так и осталась в монастыре.

Двадцать пять лет прожила она здесь. Умерла в 1810 году, в возрасте 64 лет. Ее отпевали в присутствии генерал-губернатора Москвы, графа И. Гудовича и вельмож екатерининского времени.

В Ново-Спасском монастыре, где она похоронена, и доньше сохранился портрет монахини Досифеи.

тъя. «Нет, Господи!» — вскрикнула она и в страхе открыла глаза.

— Но кто же я? — произнесла женщина, увидев лик Спасителя. — Неужели я не та, кем считала себя?

Еще несколько суток мучилась она: то впадала в беспамятство, то приходила

в сознание. Никто не видел ее последних минут. Когда вошли, покойная лежала устремив остановившиеся глаза на иконку.

На следующий день солдаты кирками вырубили могилу во дворе Алексеевского рavelина и похоронили самозванку.

АЖЕАНАСТАСИЯ

Загадочная пациентка

Стоял конец февраля. На берлинских улицах пахло весной, уже зеленели газоны. С канала Ландвер дул ветерок, приятно пахнувший оттаявшим льдом.

Было около девяти вечера, но еще не опустели бульвары и тротуары центральных улиц. Прохожих было довольно много. Полицейский Христиан Руппель, дежуривший у въезда на мост, пристально вглядывался в сгущающиеся сумерки. Его внимание привлекла невысокая фигурка стремительно идущей женщины. Отчаянная решимость, с которой она буквально влетела на мост, не предвещала ничего хорошего. Христиан, работавший полицейским уже десять лет, сразу понял это. Он покинул

свой пост и торопливо последовал за женщиной. Она, словно почувствовав погоню, оглянулась и вдруг ринулась к краю моста. Христиан услышал крик и удар о воду — гулкое эхо под мостом повторило его.

...Христиан вынырнул из холодной, в маленьких льдинках, воды, держа утопленницу за волосы. Как в тумане видел он приближающийся к ним спасательный катер.

В клинике Дальдорф, куда отвезли женщину, ей дали имя фрейлен Унбеканнт — «неизвестная». Она была без сознания и не имела при себе никаких документов. Переодевавшая ее санитарка пришла в ужас: на теле девушки было множество шрамов. Когда больная пришла в себя, ее стали спрашивать:

Княжна Анастасия или Франциска Шницковска?

Франциска Шницковска

Кем же на самом деле была самозванка, заявившая о себе в 1920 году и до самой смерти, в 1984 году, так и не раскрывшая своего настоящего имени. Более шестидесяти лет эта женщина, жившая в разные годы под разными именами: Франциска Шницковска, миссис Чайковская, Анна Андерсен и Анастасия Мэнахен, — оставалась одной из загадок XX века.

Авантюристка настаивала на том, что является младшей дочерью императора Николая II — великой княжной Анастасией, что при расстреле

ее семьи, она находилась без сознания, но была еще жива. Солдат, поляк по национальности, якобы спас ее.

Лишь после смерти самозванки имя ее было раскрыто. Ее звали Франциска Шницковска. Она родилась в 1896 году в семье поляков, в прусской провинции Позен (теперь Познань, в Польше). Будучи дочерью небогатого крестьянина, она держалась со всеми так, словно принадлежала к высшему обществу. Когда сестры и брат работали в поле, она читала романы. Особенно девушка любила книги на историческую тему.

В 1914 году Франциска уехала в Берлин. Там работала официанткой. Началась Первая мировая война. В 1916 году жених Франциски погиб на фронте. Ей пришлось идти работать на военный завод. Ручная граната, которую Франциска собирала, выскользнула у нее из рук и взорвалась. Девушка получила множество мелких ранений. Ее отправили в санаторий, где физически она более-менее поправи-

лась. Но врачи заключили, что психически она неизлечима, правда, для окружающих не опасна. С завода Франциску уволили. Одна женщина приютила ее у себя за небольшую плату. Франциска целыми днями лежала на кровати, жалуясь на сильную головную боль, глотала таблетки и читала исторические книги.

17 февраля 1920 года она исчезла. В этот же вечер неизвестная молодая женщина бросилась с моста в канал Ландвер.

Намерение стать самозванкой, видимо, не сразу возникло у нее. Два года она прожила в психиатрической клинике и приюте Дальдорф. К концу своего пребывания там фрау Унбеканнт, как ее называли, осторожно «раскрывает» свое «истинное» происхождение. Она — младшая дочь императора Николая II, Анастасия. Выйдя из приюта, самозванка жила в среде русских эмигрантов, встречалась с некоторыми из родственников Романовых, все более входя в образ Анастасии.

кто она такая, где живет и чем зарабатывает на жизнь? Но она отказалась отвечать. Вызвали следователя. Незнакомка натянула одеяло на лицо и отвернулась к стене. Несколько месяцев фрау Унбеканнт хранила молчание.

Однажды, лежа в постели, она листала какой-то иллюстрированный журнал. Вошедшая в это время медсестра,

привыкшая к молчанию загадочной пациентки, молча поднесла ей лекарство. На всегда неподвижном лице фрау Унбеканнт вдруг появилось что-то вроде улыбки. Она протянула журнал медсестре и сказала:

— Не находите ли вы, что я похожа на младшую дочь русского императора? — она указала пальцем на фото-

Великая княжна Анастасия. 1910 год

графию юной девушки, сидящей у открытого окна. Медсестра, впервые услышавшая голос фрау Унбеканнт, взяла журнал в руки. Весь номер был посвящен последнему русскому императору и его семье. Фотографии членов царской семьи, вместе и по отдельности, были помещены почти на каждой странице.

— Не правда ли, между нами очень большое сходство? — еще раз спросила пациентка.

Медсестра взглядела в портрет княжны Анастасии.

— Что-то есть, — ответила она, обрадованная тем, что столько времени молчавшая больная заговорила.

Тогда фрау Унбеканнт, скорбно глядя куда-то вдаль, тихо произнесла:

— Я и есть Анастасия.

— Но... но ведь Анастасия была убита, как и вся семья царя. Эти звери не пожалели даже детей.

— Я чудом осталась жива. Один из солдат спас меня. Он был поляк. Отнес меня домой, а потом мы бежали из Екатеринбурга. Четыре месяца пробирались к границе. Сначала обосновались в Бухаресте, потом... начались новые несчастья.

Медсестра, забыв о своей коробке с лекарствами и о том, что ее ждут другие пациенты, слушала рассказ фрау Унбеканнт.

— Я бежала в Берлин. Хотела просить помощи у тетушки Ирины. Когда подошла к дворцу, на меня вдруг напал страх, что во дворце меня никто не узнает. Отчаяние овладело мной, я побежала к мосту и... дальше вы знаете, что случилось.

Слух о том, что в клинике Дальдорф находится Анастасия Романова, быстро разнесся по Берлину.

Через несколько недель мнимая Анастасия покинула клинику Дальдорф. Она поселилась в небольшой берлинской квартирке в семье прибалтийского барона. Теперь его гостиная всегда была полна русскими эмигрантами, желавшими взглянуть на царскую дочь и послушать ее историю.

Рисунок великой княжны Анастасии. 1915 год

Император Николай II с семьей. 1904 год. (Слева направо: вверху — великая княжна Ольга, императрица Александра Федоровна, царевич Алексей, император Николай II, великая княжна Татьяна, внизу — великие княжны Мария и Анастасия)

Анастасия была четвертой, младшей, дочерью императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Родилась 18 июня 1901 года. Анастасии — пухлому, с лучистыми голубыми глазами созданию сопутствовала репутация отъявленной проказницы.

На фотографии из альбома государыни Александры Федоровны княжна Анастасия запечатлена у открытого окна. Перед ней букет подснежников и раскрытая книга... Ее тонкие пальчики собираются перевернуть страницу, но, взглянув в окно, она забыла о книге. Ее живой, пылкий взгляд обращен к саду с цветущими деревьями.

Государь и государыня, люди верующие, и детей воспитывали в том же духе. Это и

дало им ту силу духа, которая помогла Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии и цесаревичу Алексею безропотно вынести дни ссылки, заточения и мученическую смерть.

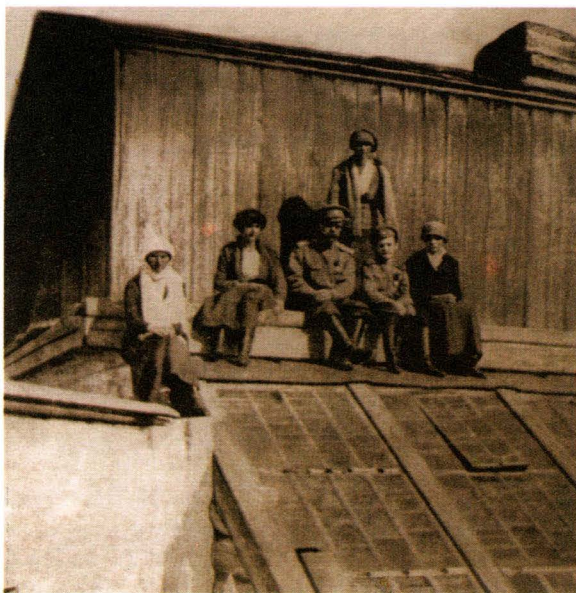
17 июля 1918 года царская семья по приказу большевистского правительства была расстреляна в подвале Ипатьевского дома, под Екатеринбургом.

Пьер Жильяр писал: «За исключением цвета глаз мы не смогли обнаружить ничего такого, что заставило бы нас полагать, что перед нами великая княжна Анастасия. Все, известное самозванке об укладе жизни императорской семьи, она могла прочитать в мемуарах или увидеть на фотографиях. Она просто вульгарная авантюристка и хорошая актриса».

Сон Пьера Жильяра

Гул шагов... Гул крови, бьющей в виски... Он шел по верхнему этажу, переходя из комнаты в комнату... Он прибыл в Екатеринбург позавчера и только сегодня смог проникнуть в дом Ипатьева. Сюда была перевезена из Тобольска царская семья. На стене одной из комнат, у окна, он увидел нарисованный карандашом знак императрицы — она ставила его повсюду — на счастье. Внизу стояла дата: 17(30) апреля. Это день, когда их заключили в дом Ипатьева. В комнате, где помещался цесаревич Алексей, тот же самый знак, нарисованный на обоях. Знак находился и над кроватью цесаревича. Всюду царил страшный беспорядок. Около печей зловеще темнели кучки золы. Он присел на корточки перед одной из них и увидел наполовину обгоревшие шпильки для волос, зубные щетки, пуговицы... Что же случилось? Куда их увели? Скорее всего, это произошло ночью. Их увели в том, в чем застали, не дав собраться и захватить самое необходимое.

Во время заключения в Екатеринбурге единственным разрешенным местом для прогулок Николая II и его семьи была крыша дома Ипатьевых. Фото Пьера Жильяра

Воспитатель Пьер Жильяр

Великие княжны Татьяна и Мария с Пьером Жильяром. Ливадия. 1912г.

Пьер Жильяр, швейцарец по происхождению, был воспитателем сына императора Николая II, цесаревича Алексея. На протяжении тринадцати лет его жизнь протекала среди членов царской семьи. Он последовал за ним в ссылку в Сибирь, где провел в заключении в Тобольске страшную зиму. Затем отправился вслед за царской семьей в Екатеринбург. По приказу Уральского Совета Жильяра насильно разлучили с царской семьей и любимым воспитанником, не дав поселиться в Ипатьевском доме.

Он покинул Россию в 1919 году вместе с горничной великих княжен Александрой Тегловой, которая потом стала его женой. С 1919 года Пьер Жильяр преподавал в университете Лозанны. Написал несколько книг о последнем русском императоре и его семье. А также книгу «Ажеанастасия», в которой разоблачает самозванку, называвшую себя принцессой Анастасией.

Е. Липгарт. «Портрет императора Николая II»

И. Галкин. «Императрица Александра Федоровна»

Великая княжна Анастасия

Он спустился в нижний этаж, в полуподвал, и от ужаса застыл на пороге. Низкое зарешеченное окно почти не пропускало дневного света. Стены и пол, словно черные раны, покрывали следы пуль и штыков. Надежды больше не оставалось. Неужели они подняли руку на государя? Но если так, то нельзя было и мысли допустить, что императрица пережила его. Значит, они оба стали жертвами. Но дети? Великие княжны? Цесаревич Алексей? Все доказывало, что жертвы были многочисленны...

Он опустился на каменный пол этой зловещей, похожей на тюремную камеру комнаты, обхватил голову руками и увидел, как ему навстречу идет государь с дочерьми. Опущенные снегом ели окружают царскосельское озеро. Великая княжна Ольга идет с отцом под руку,

крепко прижавшись к его плечу. Великая княжна Татьяна с другой стороны сжимает руку государя и что-то быстро-быстро говорит. Младшие княжны то забегают вперед, то идут позади. Анастасия придумывает

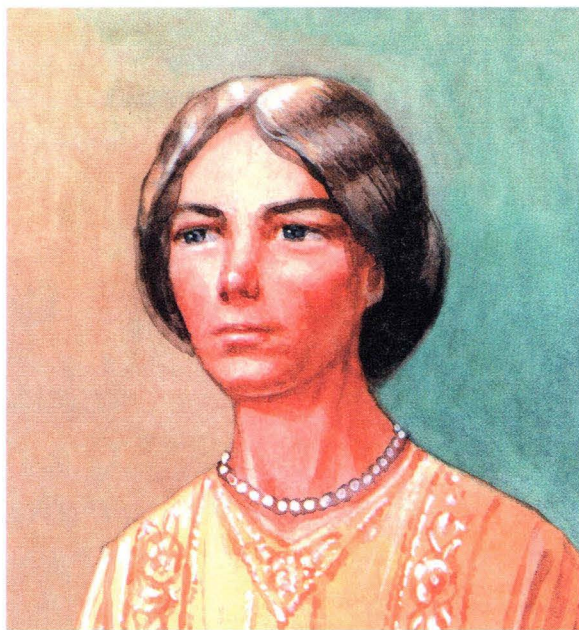
очередную шалость, забивая снег за отвороты своей бархатной шубки. Государь с нежностью смотрит на дочерей, он любит сияющими румянцем лицами. Синие добрые глаза словно говорят: «Посмотрите, какие у меня славные дочери!»

...Он хотел поклониться государю, но ему никак не удавалось встать с пола. «Но почему зима?» — подумал он. И тут его сознанию открылось, что и дом Ипатьева, и царскосельский парк — всего лишь сон... Он проснулся...

В небольшой уютной квартире Пьера Жильяра стояла мирная утренняя тишина. Этот сон приснился ему, конечно, не

случайно. Вчера Пьер получил письмо от великой княгини Ольги Александровны, сестры императора Николая II, живущей в Дании. Она писала, что в Берлине объявилась молодая женщина, которая называет себя младшей дочерью императора Николая II Анастасией. «Пожалуйста, немедленно поезжайте посмотреть на эту несчастную. А вдруг она окажется нашей малышкой... И, если это действительно она, пожалуйста, дайте мне знать телеграммой, и я тоже приеду в Берлин».

Пьер Жильяр вместе с женой Александрой, бывшей горничной великих княжен, на следующий же день отправился в Берлин, в госпиталь святой Марии. Женщина, объявившая себя Анастасией, уже несколько дней находи-

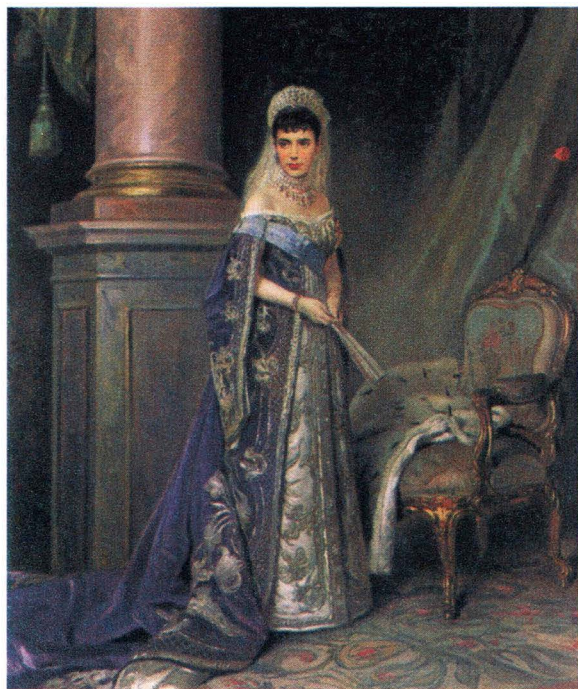

Княгиня Ольга Александровна

лась без сознания. Исхудавшее тело походило на скелет, обтянутый кожей. Кто мог бы узнать в ней княжну Анастасию, даже если это и впрямь была она?

По настоянию Жильяра больную перевели в хорошую клинику.

«Самое важное, чтобы она осталась жива, — сказал он жене, не отходяв-

В. Маковский. «Портрет императрицы Марии Федоровны»

шей от постели больной. — Мы вернемся, как только ей станет лучше».

Через три месяца Пьер Жильяр и Александра навестили больную. Пьер, присев около нее, сказал:

— Пожалуйста, расскажи, что ты помнишь из своего прошлого?

Та в гневе бросила:

— Я не знаю, что такое «помнить»! Если бы вас хотели убить, как меня, многое ли вы запомнили бы из того, что было раньше?

Жильяру пришлось уйти.

На пороге он столкнулся с женщиной в сиреновом плаще. Жильяр узнал ее: это была княгиня Ольга, любимая тетушка великих княжен.

Подойдя к кровати Анастасии, она улыбнулась ей и протянула руку.

Княгиня Ольга обожала своих племянниц. Каждую субботу княжны, жившие в Царском Селе, с нетерпением ждали ее. Они отправлялись в дом Ольги Александровны, где веселились, играли и танцевали с другими детьми...

— Ты помнишь, как наслаждались вы каждой минутой? — спрашивала она Анастасию с улыбкой. — Я до сих пор слышу, как звенит твой смех.

При этих словах самозванка, кивнув, горько расплакалась. Ольга Александровна расцеловала ее в обе щеки:

— Ты обязательно поправишься.

Снова и снова она внимательно вглядывалась в лицо женщины, почти ничем не напоминавшее лицо ее маленькой Анастасии. Только глаза были такие же огромные, яркие, голубые.

«Но ведь она столько пережила! Сердце подсказывает мне, что это она! Как я хочу, чтобы это была она!»

В октябре 1928 года скончалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. На следующий день вышел в свет документ, названный потом «романовской декларацией». Ее подписали двенадцать

представителей Русской императорской фамилии, которые единодушно подтверждали, что фрау Унбекант не является дочерью царя Николая II. Этот документ, в котором цитировались высказывания великой княгини Ольги, Пьера Жильяра и баронессы Буксгевден, фрейлины Александры Федоровны, убедил публику, что представители дома Романовых отвергли самозванку.

Но самозванка продолжала выдавать себя за княжну Анастасию, и всегда находились люди, желавшие поселить у себя «царскую дочь». Она жила то в Америке, то в Англии, то в Германии.

В 1968 году Анастасия вновь переехала в Америку, где вышла замуж за доктора Менахана. Они прожили вместе пятнадцать лет. В последние годы самозванка часто попадала в психиатрическую клинику. 12 февраля 1984 года Анастасия Менахан скончалась от пневмонии.

Царственные мученики. Икона

СОДЕРЖАНИЕ

Лжедмитрий I	2
Лжедмитрий II.....	10
Емельян Пугачев.....	20
Княжна Тараканова.....	30
Лжеанastasия.....	40

Нина Густавовна Орлова

САМОЗВАНЦЫ

Художник Евгений Иванович Орлов

**Самозванство — самое загадочное явление, по прихоти
истории чаще всего возникавшее именно в России.
В переломные времена появлялись люди, заявлявшие
о своей принадлежности к царской фамилии.
О наиболее известных в истории самозванцах
вы узнаете из нашей книги**

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Научный редактор В.И. Михайлов
Корректура: Н. Старостина
Компьютерная верстка: Т. Федорина
Сканирование: О. Кругова

ISBN 5-7793-0480-7

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63
E-mail: belygorod@mail.ru

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09
E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:
Торговый Дом Книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дата подписания в печать 10.04.2002
Гарнитура SchoolBook, печать офсет,
бумага офсетная, печ. л. 3,0,
формат 84 x 108,1/16.
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 0204870.

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

Готовятся к выпуску:

АЛЕКСАНДР I
НИКОЛАЙ I
РУССКИЕ ЖИВОПИСЦЫ
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

ВОЙНА НАРОДНАЯ
СВЯТЫНИ РОССИИ
РУССКИЕ КОЛУМБЫ
НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

ISBN 5-7793-0480-7

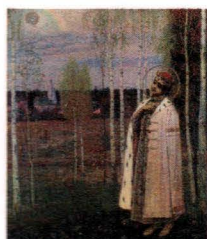

9 785779 304801

Ходили слухи о причастности Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия

Императрица Елизавета и граф А.Г. Разумовский были тайно обвенчаны

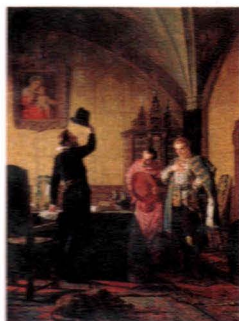
Император Петр III

Великая княжна Анастасия

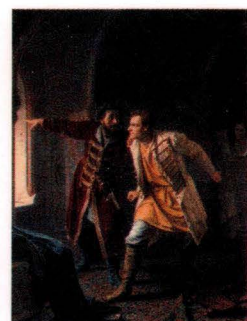
САМОЗВАНЦЫ

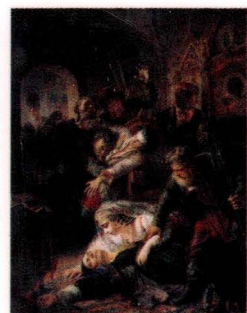
Лжедмитрий собирался занять русский престол с помощью польского короля Сигизмунда

Женщина, назвавшаяся дочерью Елизаветы Петровны, заявила права на престол

Страшась расправы над собой, Лжедмитрий выпрыгнул в окно

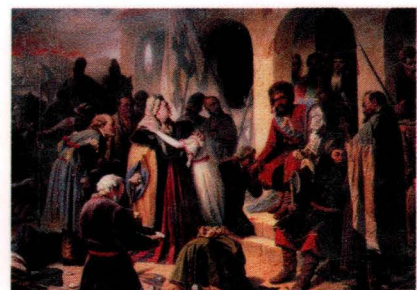

Федора Годунова и его мать убили по приказу Дмитрия Самозванца

Монах Григорий Отрепьев бежал из Чудова монастыря и объявил себя царевичем Дмитрием

Беглый казак Емельян Пугачев вершил суд под именем императора Петра III

БЕЛЫЙ

ГОРОД